

ISSN 0131 2014

РОВЕСНИК

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК
ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА № 9/85
Сентябрь

В НОМЕРЕ:

40 лет Социалистической Республике Вьетнам (до 1976 года Демократическая Республика Вьетнам) — это 40 лет великого мужества свободолюбивого народа, на долю которого выпали тягчайшие испытания в борьбе с французскими колонизаторами и американскими агрессорами, это 40 лет неустанного труда во имя торжества новой жизни, зримые черты которой все отчетливее отражаются в достижениях народного хозяйства, культуры, науки, в судьбах людей, перспективах молодежи.

На снимке фотокорреспондента ТАСС Б. Кавашкина — мирные будни сегодняшнего Вьетнама: идут занятия на факультете мелиорации политехнического института города Хошимина.

ПНОМПЕНЬ. Эти два снимка разделяет шесть лет. Один сделан в 1979 году, после провозглашения Народной Республики Кампучии, когда всю жизнь в стране пришлось начинать заново: полпотовцы ликвидировали систему здравоохранения и просвещения, уничтожили интеллигенцию, квалифицированных специалистов — 3 миллиона ни в чем не повинных людей. Одним из первых шагов народной власти было открытие школ. Вот так учились дети (снимок слева) в 1979 году. Так они учатся сейчас, в году 1985-м (снимок справа). В новых школах, построенных за шесть лет, село за парты более двух миллионов детей, самый высокий процент в мире относительно к общему числу населения.

КАНБЕРРА. По данным австралийского статистического бюро, безработица среди молодежи страны достигает 47,8 процента и постоянно растет. Газета Социалистической партии Австралии «Гардиан» пишет: «Правительство отказывает молодым безработным в субсидиях, утверждая, что нельзя воспитывать у них иждивенческие настроения. Таким образом, вместо того чтобы создавать рабочие места, наказывают тех, кто не может найти работу. Международный год молодежи призвал всех с заботой и вниманием посмотреть на проблемы нового поколения. Наше же правительство предлагает молодым расплачиваться за изъяны своей экономической политики».

БУДАПЕШТ. В Венгрии вводится новая система подготовки квалифицированных рабочих. Суть ее состоит в том, что учащиеся будут получать знания для работы по нескольким специальностям. В первые два года пятилетнего курса обучения будет даваться общая подготовка по программе гимназии и по широкому набору специальностей. С третьего года обучение дифференцируется уже по конкретным профессиям. Таким образом, учащиеся смогут выбрать себе дело, довольно четко представляя, чем им предстоит заниматься, и в то же время общая подготовка позволит им повышать квалификацию и менять профиль занятий.

БЕРЛИН. Традиции — это то, без чего нельзя построить завтрашний день. И вот те, кому завтра предстоит стать рабочими, инженерами, летчиками и врачами, приходят в Музей немецкой истории в Берлине. Ученики берлинских школ видят здесь первый мопед, выпущенный заводами ГДР, и первые самолеты «Интерфлюга», планы первых новостроек и старые спецовки рабочих, в которых те варили сталь и возводили больницы и цеха,— делали то дело, которое школьникам предстоит продолжать. На снимке: ученики 2-й средней школы столицы ГДР на экскурсии в музее.

СОФИЯ. В Высшем институте театрального искусства готовится смотр студенческих фильмов. Здесь учатся не только болгары, но и представители молодого поколения десятков других стран: четверть всех студентов — иностранцы. В этом году на смотр представлено 63 художественных, документальных, мультипликационных, рекламных, а также телевизионных фильма. Помимо преподавательского жюри, есть и жюри зрителей — это студенты института и гости из театральных вузов социалистических стран.

ЛОНДОН. Небывалая по массовости демонстрация против политики апартеида в ЮАР собрала на улицах столицы представителей всех районов Англии. «Соединенные Штаты убеждают Преторию провести косметические реформы, чтобы обмануть мировую общественность и расколоть наши ряды,— сказал корреспонденту газеты британских коммунистов «Морнинг стар» представитель Движения против апартеида.— Но черному населению Юга Африки

не нужны крохи со стола белых. Мы будем продолжать борьбу, пока не будет ликвидирован апартеид».

АСУНСЬОН. Впервые за последние 15 лет в столице Парагвая состоялась демонстрация протеста. 700 студентов университета прошли по улицам с требованием прекратить коррупцию, опутавшую все службы в стране, дать свободу печати, возобновить издание основной парагвайской оппозиционной газеты «А Бэ Сэ колор».

ЛУАНДА. Профтехцентр имени советско-ангольской дружбы отмечает в этом году свое семилетие. Восемнадцать советских преподавателей и тринадцать ангольских стажеров готовят здесь трактористов, слесарей, сварщиков, ремонтников, рабочих других профессий. Весь комплекс построен руками преподавателей и учеников параллельно с занятиями в классах и учебных мастерских. Профтехцентр рассчитан на 200 курсантов, но сейчас здесь занимаются 310 человек, в том числе 32 девушки. Многие курсанты изучают факультативно русский язык, а в программе самодеятельного хора — советские песни «Катюша», «Хотят ли русские войны» и другие.

ВАШИНГТОН. «Богатые становятся богаче, бедные беднее. Нет сокращению средств на социальные нужды!», «Руки прочь от Никарагуа!», «Не хотим «звездных войн»!», «Позор союзникам апартеида!» — эти и еще многие другие лозунги заполнили площадь перед Белым домом. «Многоцелевой демонстрацией протеста» назвал эту манифестацию американцев журнал «Тайм». На снимке: арест полицией студентки, протестующей против отмены субсидий учащимся из бедных семей.

МАПУТУ. Первое в республике учебное заведение, где будут готовить национальные кадры для торгового флота, открылось в столице Мозамбика. Сейчас в морской школе занимаются 150 человек. В стране крепнет материальная база флота, морских портов, судоремонта. Большую помощь Мозамбику оказывают СССР, ГДР, другие социалистические страны.

БОНН. Многие жители городов и деревень ФРГ активно участвуют в движении за мир: они требуют положить конец гонке вооружений, протестуют против намерений перенести ее в космос. «Долой ракеты с территории ФРГ!», «Нет — ядерному кошмару!», «Хотим работу, а не войну» — под такими лозунгами проходят митинги и манифестации, в которых принимают участие молодежь и старики, представители разных политических партий и организаций, католики и протестанты, ученые и деятели искусства и даже солдаты и офицеры бундесвера. Снимок похода за мир в ФРГ сделан чехословацким фотокорреспондентом М. Зайцем.

НАГАСАКИ. Здесь, в городе, пострадавшем от американской атомной бомбардировки 8 августа 1945 года, на центральной аллее мемориального парка мира состоялось торжественное открытие скульптурной композиции «Мир», созданной Героем Социалистического Труда, лауреатом Ленинской премии М. К. Аникушиным. Это дар советской общественности городу Нагасаки.

НЬЮ-ЙОРК. Газета американских коммунистов «Дейли уорлд» напечатала письма детей из разных штатов страны. Некоторые из них мы предлагаем вниманию читателей.

«Я очень боюсь за свою жизнь и за жизнь других людей на земле. Когда я сижу перед телевизором и слышу, как Рональд Рейган заявляет о том, что мы отныне живем в более безопасном мире, чем прежде, я не верю президенту США. Я не чувствую себя в безопасности. Я испытываю страх перед будущим. Я знаю, что все дети земли страшатся завтрашнего дня». Пенелопа Вокел, 14 лет, город Чико, Калифорния.

«Наш президент стремится перенести гонку вооружений в космос. Это будет ужасно, если подобное произойдет». Элизабет Табой, 13 лет, город Хингхем, Массачусетс.

«В школе нам предложили написать сочинение о том, что с нами будет через 30 лет. Большинство детей написали, что их к тому времени просто-напросто не будет: они погибнут в ядерной катастрофе. Какой же смысл в ядерной войне, если мы все погибнем?» Эми Роуз, город Данвилл, Виргиния.

«Я мечтаю о том дне, о том счастливом дне, когда США и Советский Союз будут жить в условиях мира и дружбы, взаимопонимания между людьми». Мэри Барнс, Чикаго, Иллинойс.

1 сентября – ДЕНЬ МИРА

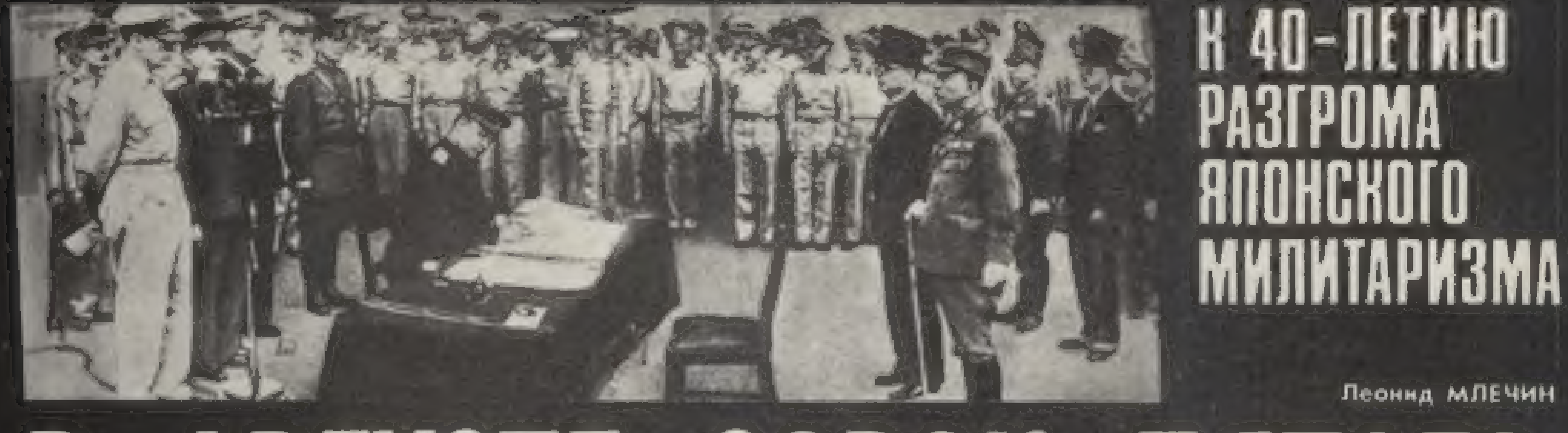
смотрите:

1 сентября — День знаний. Знаний о мире и нужных для мира. Молодое человечество учится, как жить. Но есть силы, которые заинтересованы в том, чтобы научить молодежь уничтожать жизнь. Репетируют нападения на никарагуанских крестьян контрас, тренируются в убийствах кубинские «гусанос», накачивают мускулы американские солдаты из формирований «быстрого реагирования». Они накапливают знания о том, как лучше убивать, пытать, истреблять. Вот почему 1 сентября — это и день мира, день сплочения тех, кто полон решимости не позволить уничтожить жизнь, кто борется за знания, которые принесут благо, а не беды человечеству.

1 сентября – ДЕНЬ ЗНАНИЙ

К 40-ЛЕТИЮ РАЗГРОМА ЯПОНСКОГО МИЛИТАРИЗМА

Леонид МЛЕЧИН

В АВГУСТЕ СОРОК ПЯТОГО

Когда 8 мая 1945 года в Карлсхорсте представители разгромленной гитлеровской армии подписали акт о безоговорочной капитуляции и в Европу пришел долгожданный мир, война на Тихом океане еще продолжалась.

Милитаристская Япония — дальневосточный союзник гитлеровской Германии и фашистской Италии — продолжала удерживать часть территорий, оккупированных в 1941—1942 годах. Успех сопутствовал союзникам [1], но японцы дрались ожесточенно. При многократном превосходстве в боевой силе и технике американцам понадобилось почти три месяца, чтобы захватить Окинаву. Союзным державам не приходилось рассчитывать на быструю и легкую победу. Напротив, они полагали, что война закончится не раньше конца 1946 года.

Решения Крымской конференции, согласие Советского Союза вступить в войну против Японии сыграли решающую роль в том, что вторая мировая война закончилась 2 сентября 1945 года подписанием акта о безоговорочной капитуляции Японии.

Верное своим союзническим обязательствам, Советское правительство в апреле 1945 года денонсировало пакт о ненападении с Японией, развернуло подготовку к будущим операциям на Дальнем Востоке. К 9 августа были развернуты три фронта: Забайкальский, 1-й и 2-й Дальневосточные. Вместе с советскими войсками выступали и части Монгольской народно-революционной армии.

На территории Маньчжурии, Внутренней Монголии и Кореи, оккупированных японцами, Советской Армии противостояла крупная стратегическая группировка императорской армии общей численностью свыше миллиона человек. Японцы опирались на мощную сеть долговременных укреплений. Основу противостоявших Советской Армии сил составляла Квантунская армия генерала Ямада, одна из самых боеспособных в императорской армии. Все эти годы Квантунская армия готовилась к ведению боевых действий против Советского Союза.

Наша армия ставила перед собой задачу разгромить Квантунскую армию, очистить от оккупантов Маньчжурию, Северную Корею, южную часть Сахалина и Курильские острова. Конечной целью Советской Армии было потушить очаг войны на Дальнем Востоке. И эта цель была достигнута.

Возвращаясь к событиям, предшествовавшим капитуляции империалистической Японии, нельзя обойти молчанием атомную бомбардировку двух японских городов — Хиросимы и Нагасаки. Вашингтон торопился с применением атомного оружия не только для того, чтобы обеспечить себе главенствующую роль в разгроме Японии. Американские политические круги действовали с дальним прицелом: по их расчетам, атомное оружие должно было произвести впечатление на Москву, стать средством давления на Советский Союз, весомым аргументом в стремлении перестроить послевоенный мир по американскому образцу.

Уничтожение Хиросимы отнюдь не заставило Токио прекратить сопротивление. Ущерб для армии и военной промышленности был минимальным, жертвой атомных ударов стало в основном мирное население.

8 августа было сделано заявление Советского правительства правительству Японии, в котором говорилось: «После разгрома и капитуляции гитлеровской Германии Япония оказалась единственной великой державой, которая все еще стоит за продолжение войны.

Требование трех держав — Соединенных Штатов Америки, Великобритании и Китая от 26 июля сего года о безоговорочной капитуляции японских вооруженных сил было отклонено Японией. Верное своему союзническому долгу, Советское правительство приняло предложение союзников и присоединилось к заявлению союзных держав от 26 июля сего года.

Советское правительство считает, что такая его политика является единственным средством, способным приблизить наступление мира, освободить народы от дальнейших жертв и страданий и дать возможность японскому народу избавиться от тех опасностей и разрушений, которые были пережиты Германией после ее отказа от безоговорочной капитуляции».

В ночь на девятое августа советские войска начали наступление. Они обрушились на противника на всем протяжении границы с Маньчжоуго [2] и на побережье Северной Кореи. Японские войска, не выдержав напора Советской Армии, отходили, взрывая мосты, выводя из строя дороги и линии связи, отравляя колодцы. Противник был деморализован стремительными прорывами советских мобильных частей.

Империя агонизировала. Квантунская армия, чью мощь в Японии считали несокрушимой, разваливалась на глазах под ударами советских войск. Ей было приказано сопротивляться до последнего, чтобы хотя бы немного задержать наступление русских.

Тем временем в Токио шла борьба. Кабинет министров не мог прийти к единому мнению: часть министров склонялась к капитуляции, другие стояли за продолжение войны. Армейская верхушка и слышать не хотела о капитуляции. Она страшилась наказания за военные преступления: все знали, что в поверженной Германии союзники намерены предать суду главарей рейха. Сановники гибнущей империи сновали по Токио, пытаясь оттянуть бесславный конец.

Утром 14 августа император на заседании Высшего совета был вынужден высказаться в пользу капитуляции. С американцами императорская армия больше не сражалась.

Однако Квантунская армия

---

[1] *Участники союза государств, боровшихся против агрессивного блока гитлеровской Германии, фашистской Италии, милитаристской Японии и их сателлитов. В антигитлеровскую коалицию входили СССР, США, Англия, Франция, Китай и другие страны.— Здесь и далее прим. ред.*

[2] *В 1931 году империалистическая Япония захватила три северо-восточные провинции Китая и в 1932 году создала там марионеточное государство Маньчжоу-го (просуществовало до 1945 года), предполагая использовать его как плацдарм для нападения на СССР.*

На снимке: 2 сентября 1945 года. Подписание акта о безоговорочной капитуляции Японии (слева). Справа: пленные солдаты Квантунской армии, разгромленной советскими войсками.

не прекратила сопротивления и после императорского рескрипта о капитуляции, поскольку приказ сложить оружие из Токио не поступил. И лишь 24 августа поступил приказ о капитуляции.

28 августа 1945 года первая группа американских офицеров прибыла в поверженную Японию. Для гостей было приготовлено невиданное в голодной стране угощение и свежее бочковое пиво. Американцы вели себя вполне дружелюбно, с удовольствием пили ледяное пиво, с японцами разговаривали как с равными.

Через день на аэродром императорских военно-воздушных сил в Ацуги прилетел главнокомандующий американскими оккупационными войсками генерал Макартур. В самолете он уснул. Мысль о том, что ему предстоит наводить порядок во вражеской стране, с которой американцы воевали четыре года, явно не тревожила генерала: из сообщений американских офицеров, прибывших в Ацуги накануне, он понял, что бывшие враги станут преданно сотрудничать с ним.

В те дни с высоты птичьего полета казалось, что деловые и правительственные кварталы Токио охвачены пожарами, которые никто не старается погасить. Это в крупных фирмах, учреждениях, армейских штабах жгли документы. «Пожары» продолжались долго. Высшие офицеры, привилегированная бюрократия и промышленники сумели неплохо нажиться на войне. Газеты сообщали о «славной и почетной смерти» солдат на передовой, в тылу под бомбами гибли женщины и дети, вся страна голодала. А верхушка Японской империи набивала карманы. Из Китая, Вьетнама, Таиланда и Сингапура оккупанты слали домой награбленное под видом «личного имущества». Когда крах империи стал очевиден, они, бросив своих подчиненных на произвол судьбы, сумели вернуться в Японию. Чтобы скрыть свое участие в военных преступлениях, уничтожить данные о массовом грабеже в странах Юго-Восточной Азии, они сжигали все документы, грозившие им разоблачением.

Но была одна категория людей, которая не сожгла ни одной бумажки, напротив, позаботилась о сохранности всех документов. Генштабисты и разведчики вряд ли могли предвидеть развитие международной ситуации и то, как поведут себя американцы, но тайком похитили из сейфов все подлежащие уничтожению секретные материалы, относящиеся к Советскому Союзу. Подобная предусмотрительность сослужила им хорошую службу значительно раньше, чем они могли надеяться в своих самых смелых мечтах. Как только начальник американской разведки Джи-2 генерал Уиллоби прибыл в Японию, он сразу же отдал приказ о сборе материалов, касающихся СССР.

2 сентября на палубе крейсера «Миссури» союзники подписали акт о капитуляции Японии, руководители стран-победительниц обменивались поздравлениями, люди радовались миру.

А американская разведка уже располагала толстенными подборками материалов: «Военно-географическое описание Советского Союза», «Схема объектов бомбардировок», «История боевых действий между Японией и Советским Союзом», «Планы операций против СССР». Платой за материалы было полное отпущение грехов, гарантировавшееся американцами, и небольшое количество полновесных долларов: в нищей Японии американские деньги означали безбедную жизнь. Офицеры распущенной императорской армии выражали готовность служить американцам.

Начальник первого сектора оперативного отдела генерального штаба полковник Такусиро Хаттори пользовался авторитетом в офицерском корпусе как бывший секретарь премьер-министра Хидэки Тодзё. Хаттори собрал наиболее опытных и компетентных штабистов, которые, заведя на каждого демобилизованного солдата и офицера личное дело, могли в любой момент вновь вернуть их на службу. А надежда на возрождение армии не покидала японских генералов. И надежда эта не казалась беспочвенной. В китайских провинциях Хэбэй и Шаньси гоминьдановцы использовали японские войска для борьбы с коммунистами. В Индонезии японские части вместе с английскими и французскими солдатами участвовали в подавлении борьбы за независимость страны. Только что разоруженные японские части в Южной Корее вновь получили оружие, так как в Вашингтоне испугались размаха народно-освободительного движения.

Кроме того, Хаттори начал по заданию американцев изучение опыта прошедшей войны. Штаб Макартура особенно интересовало все, что относилось к опыту Квантунской армии, сражавшейся против Советского Союза.

Бывшие офицеры японской военной разведки окончательно воспрянули духом: в лице американцев они нашли союзников. Конечно, некоторые высшие руководители страны пострадали, в Токио заседал Международный военный трибунал. По-прежнему продолжались аресты, находились американцы, которые пытались наказать ответственных за зверства, совершенные императорской армией во время войны.

Но в Ацуги американцы уже строили для себя базу. Там, за колючей проволокой на территории площадью в восемь с лишним гектаров, американская разведка создала учебно-тренировочный лагерь для подготовки диверсантов; их пытались забрасывать в Китай, Корею, на советский Сахалин и советские Курильские острова. Инструкторами там были кадровые военные разведчики, они обучали оставшихся без работы и потому согласившихся на вербовку солдат и офицеров бывшей императорской армии, каждый из которых счел своим долгом вытатуировать на руке два иероглифа: «ханкё» — «антикоммунист».

8 июля 1950 года главнокомандующий оккупационными войсками генерал Макартур приказал японскому правительству сформировать «резервный полицейский корпус», который позже был переименован в корпус национальной безопасности, а затем в «силы самообороны».

И здесь, как это случилось в Европе и Америке, кое-кто поспешил забыть уроки второй мировой войны, принесшей неисчислимые беды народам.

«НЕНАВИЖУ ВОЙНУ!»

А. ПОЛИКОВСКИЙ,
И. СТОЛЯРОВА

В Фонде мира нам дали толстую пачку денежных переводов. На обратной стороне перевода люди часто писали несколько слов, стараясь объяснить свой поступок. Деньги были самые разные — от рубля до двух тысяч; в словах было что-то одно, общее, искреннее. Люди слали эти рубли и сотни рублей не потому, что кто-то велел им их посылать, а потому, что сами решили отдать свои деньги для помощи другим людям. Каждый маленький желтоватый прямоугольничек как бы подтверждал чье-то бескорыстие. Каждый перевод — а мы их перебрали сотни, один за другим — как бы говорил о том, что в чьей-то душе рождалось сочувствие, крепло, усиливалось до того, что необходим делался поступок, чтобы это сочувствие выразить. И человек шел на почту, отдавал деньги и почтовой ручкой с цепким тонким перышком писал несколько слов о том, что происходило у него в душе. И в этих нескольких словах угадывалась и предчувствовалась целая человеческая жизнь.

«Мне девяносто девять лет, я потеряла на войне двух сыновей, третий вернулся раненым, тоже умер. Я не хочу, чтобы повторился этот ужас. Отдаю свою пенсию на борьбу со злом. Клавдия Ивановна Пашкова, поселок Морское, Крым».

«Детям Никарагуа от Затонских Таисии Ивановны и Константина Николаевича. Ленинград».

«Для ребят из Чили. Кораблевы, Норильск».

«От молодоженов. Поселок Гигант Ростовской области».

«Прошу направить этот перевод на оказание помощи населению районов Эфиопии, подверженных стихийному бедствию. Николай Иванович Вавилов, Саратов».

«Я обеспокоен сложившейся обстановкой в мире и считаю своим долгом внести скромный вклад в Советский Фонд мира. Александр Каджаспиров, село Самбек Ростовской области».

«Перечисляем в Фонд мира деньги, вырученные операцией «Ягодка». Поселок Раякости Мурманской области, школа № 11».

«В связи с моим невыразимо искренним желанием предотвратить ядерную катастрофу, сохранить на земле мир и нашу цивилизацию прошу принять мой скромный вклад в жизненно важную деятельность Фонда мира. А. М. Кочетков, Луховицы».

«Прошу этот скромный перевод включить в общий фонд помощи детям Кампучии. Алушта, Беспалов Иван Федорович».

«Прошу передать деньги, заработанные мною на летней практике, детям Никарагуа. Буду высылать и впредь. Лебедев Саша, Фрунзе».

«Левшакова Е. М. сдала донорскую кровь, а деньги по ее справке переведены в Фонд мира. У Елены Михайловны четверо детей. Поселок Хребтов Красноярского края».

«Эти деньги мы заработали, собирая яблоки. Мы не хотим войны. Мы за мир на всей планете. Станица Каневская Краснодарского края, школа № 4, 4-й «А» класс».

«Здравствуй, Советский Фонд мира! Я решил вам выслать свои заработанные пятьдесят рублей. Знаю, что дело мира — дело мировое, общее. Пусть будет мир на всей планете, довольно смертей. Мой дядя погиб в 1941 году под Москвой. Зову всех детей и взрослых за мир, за счастье и дружбу. С уважением, Гера Давыдов. Поселок Бала Верхоянского края, школа, 8-й класс».

«Дорогие никарагуанцы! Примите наш скромный вклад в оказываемую вам помощь и знайте, что в любую трудную минуту мы готовы помочь вам. Верхний Тагил, школа № 10, 8-й класс».

«От вдовы инвалида Отечественной войны. Мой муж умер от ран в 1976 году в пятьдесят шесть лет. Мой вклад пусть будет хотя бы каплей в защиту мира. С. Б. Мухаметджанова, Москва».

«В память Победы, павших братьев и всех двадцати миллионов. Е. Л. Матюшева, Рига» (58-й взнос. Общая сумма 2100 рублей).

«Переводим деньги для детей Никарагуа. Общество книголюбов завода КДА, г. Кокчетав».

«Голодающим детям мира. В. Е. Светлая, Алма-Ата».

«Ученики средней школы № 40 г. Воркуты просят переслать собранные деньги детям Вьетнама к празднику их пионерии!»

«В помощь нуждающимся детям Эфиопии.

В связи с переездом на новую квартиру, болезнью родителей и сбором дочери в первый класс задержалась с отправлением августовского взноса. Посылаю за август и сентябрь. Валентина Павловна Козловская, Москва».

Измаэль и Ассенсьон

Старик командовал батальоном на испанской войне [1] — первой в XX веке войне против фашизма. Но он не хочет об этом вспоминать. Вообще не хочет говорить о себе. «Не надо записывать. Это только одна жизнь. Очень длинная. Таких много-много...» А его жена, Ассенсьон, спрашивает сама себя: «Как же мы столько видели и еще живы!» Ей кажется, что она не одну жизнь прожила — несколько.

[1] *Гражданская война в Испании началась в 1936 году мятежом генерала Франко против законного республиканского правительства. Франко получал помощь от Гитлера и Муссолини. На стороне правительства сражались интербригады, сформированные из добровольцев разных стран мира. В 1939 году, потерпев поражение, отдельные отряды республиканской армии отступили во Францию, где были интернированы. Многие из них впоследствии нашли прибежище в СССР, где и остались жить, считая себя «советскими испанцами».— Прим. авт.*

Испанцы Измаэль и Ассенсьон живут в Москве на площади Победы. Они прошли через две войны. В Испании, в архивах полиции, остались их отпечатки пальцев. В 1941-м Измаэлю сказали: «Можешь оставаться в тылу. Ты и так много перенес».— «Я, испанец, останусь в тылу!» Он пошел добровольцем.

Они сидят в маленькой комнатке, он на диванчике, она на стуле, и с типично русским гостеприимством, не без упорства все предлагают и предлагают нам пить кофе и лакомиться печеньем. «Это настоящее испанское печенье, это прислала Катюша с Кубы». Катюша — их младшая дочь, она вышла замуж за кубинца и живет в Гаване; старшая, Кончита, тут, рядом, в Москве. И они говорят по очереди. Так им привычнее — вдвоем, не перебивая друг друга, а дополняя и продолжая, подхватывая и снова начиная, как бы сплетая две нити в одну, как две жизни их сплелись в одну. Посмотрят друг на друга и во взгляде все поймут. Такое ласковое, бессловесное согласие бывает между людьми, которые так долго любят друг друга, что поодиночке уже как бы и не существуют в жизни,— души их слились...

Измаэль неразговорчив. Он как будто все хочет замкнуться в себе, глаза его спрятаны за толстыми линзами, он не видит в своей жизни ничего особенного, интересного, разве что сама ее протяженность — восемьдесят лет ему. Ну и что! Он опять с каким-то суровым упорством, как бы и не желая слышать вопросов, обращенных к нему, говорит, что писать надо о тех, кто погиб: в этом долг. А он, как всякий солдат великой всемирной армии, дравшейся с фашизмом, только исполнял приказы, «всегда делал как надо». Но разговорчивая Ассенсьон все время подталкивает его своим рассказом, все время говорит о нем, и он вынужден согласиться: да, это было... так было... Ассенсьон права. «Я был молодой. Я был крестьянский сын, ничего не читал еще. Но я знал, что бедные живут так, как невозможно жить. А богатые живут так, как жить нельзя по справедливости». За это он и воевал. С детства.

Как — с детства! И он медленно, неохотно рассказывает. «Мой отец был крестьянин и работал в самый солнцепек на земле. На краю участка была яблоня, и она давала тень. Местный священник любил отдыхать под этой яблоней. Работа была тяжелая, отец нет-нет да ругался. А священник, сидя под яблоней, пугал его: мол, за грубость бог накажет. Обидно мне стало за отца. Я достал динамит и взорвал ту яблоню...»

Но где же мальчик тринадцати лет достал динамит! «Пфу!» — внезапно, как бы выпрыгнув из своего мрачноватого панциря, с жестом рук резко выкрикивает старик Измаэль, как бы говоря этой вспышкой, что нет ничего проще, как достать в Испании динамит и шарахнуть яблоню, под которой любил сиживать падре. Дело обычное, о чем говорить!

Они помнят налеты итальянских «фиатов». Хруст стеклянных осколков под ногами. Витрину отеля вышибло, а в дверях все равно стоял швейцар. У магазинов выстраивались очереди из ботинок, сковородок, сумок и бутылок — кто что оставит вместо себя во время воздушной тревоги или просто в полуденный час, когда самый солнцепек. Он помнит залитую солнцем улицу, на которой женщина выколачивала половичок: секунда жизни, упавшая на дно памяти, как монетка на дно бассейна,— чтобы быть извлеченной через годы, когда-то. Она помнит увешанные гроздьями людей трамваи и музыку. Было очень много музыки на улицах слышно. Наверное, оттого, что витрины кафе были выбиты, а двери часто сорваны. И в жарком воздухе хрустело под ногами стекло, глухо стучала палка, ударяя по половику, и трещали кастаньеты, и пронзительно пели скрипки, и резкие испанские гитары чертили свои узоры откуда-то из темноты баров и кафе. Было ли это ощущением счастья! Это была война. Но это была жизнь. Война налетала тенью от крыльев самолетов, а потом были минуты или часы, наполненные солнцем, и казалось, что войны нет. Там бывали упоительно-мирные мгновенья. Вдруг в памяти — без года, без города — на какой-то темноватой узкой улочке чудом не выбитое воздушной волной стекло, и Ассенсьон как зачарованная стоит и смотрит, как там девочек учат играть на кастаньетах. Это балетная школа. Девочки в белых пачках. Преподавательница то к одной подойдет, поправит руку, то к другой.

От 1936-го к 1939-му свет меркнет, как будто серые крылья все шире в небе. Измаэль немногословен: «Меня ранило в тот день, когда убили генерала Лукача». На шее у него шрам — след пулевого ранения. О последних месяцах войны, когда республиканцы удерживали только землю за Эбро, а Франко распространился по всей остальной Испании, он молчит. Было ли в нем тогда чувство обреченности, горькое чувство солдата разбитой армии! Он об этом не скажет, он воздвигает стену, он отвечает короткой фразой: «Мы боролись. Но Франко помогали Италия и Германия. Силы у них было больше. Но мы боролись».

На Францию бомбы стали падать через год. А пока с тупостью неведения французский чиновник в красном кепи говорил беженке-испанке Ассенсьон: «Видите, какая о вас забота! Вас пустили во Францию, вы не под открытым небом». Она была с детьми в колонии испанцев под Парижем. Она не знала, где Измаэль. А он был в Сан-Си Прен.

Это был лагерь для интернированных испанцев на берегу Средиземного моря. «Пятьдесят граммов хлеба в день и только соленая вода. Люди умирали, их зарывали в песок,— говорит он.— Я думал, что никогда больше не увижу Ассенсьон и детей».

«Я боялась ехать в далекую Россию,— говорит Ассенсьон.— В дорогу мне не дали ни куска хлеба. Но когда поезд с испанцами пересек границу, все изменилось: толпы людей приветствовали нас на вокзалах, и многие протягивали нам в окна колбасу, шоколад и хлеб». Так тысячи испанских республиканцев обретали новую родину. И в 1941-м война для них не началась, а продолжилась. Измаэль был в Белоруссии в партизанском отряде Шаповалова. По снежным глухим лесам он, в шапке-ушанке и в валенках, с автоматом на груди, ходил в пешие рейды на территорию Прибалтики, за десятки километров. «Я уже не помню, где что я видел, я не помню названия мест. Но в одном месте были повешенные дети, и самому маленькому было лет одиннадцать. Они висели в одних рубашках и ботинках, и их засыпал снег. Я это запомнил».

«В одном селе мы зашли в дом. Там была женщина. Она была белая как бумага. И она была в черной одежде. Мы сказали, что нам надо выйти к мосту, и она сама повела нас, хотя мост охранял ее муж. Она сказала: «Мою дочь повесили фашисты». Она вызвала своего мужа, и он объяснил нам, как лучше подобраться к опорам и когда меняют караул. Мы заложили динамит и взорвали мост, когда по нему шел поезд. Тот мужчина ушел вместе с нами». И он замолкает, уходит в себя, в глубокое свое прошлое, где можно блуждать часами и днями, а жена подхватывает его рассказ с радостным оживлением — в ней есть и сейчас непобедимая веселость духа, сила веры и любви: «Девять месяцев я ничего не знала о нем. Я штопала шинели. Мы брали в госпитале работу. Я сидела дома, потому что Катюшу и Кончиту не брали в садик — они были слишком слабенькие из-за климата и голода. Еще я сдавала кровь для раненых». (Она заворачивает рукав — и на ее смуглой коже белые точки, донорские метки сорокалетней давности, их много, как родинок на иной руке.) «И вот я сижу и штопаю, а мне приносят телеграмму: «Я в Москве». И я обрадовалась, но не удивилась, потому что все время верила, что он живой! — смеется она.— Была такая сила во мне — верить. И не удивилась, ждала». Она вдруг вскакивает с легкой порывистостью, открывает дверцу шкафа, достает черный мужской пиджак, одна сторона которого вся в медалях, а на другой, под орденскими планочками, крупный, чуть выпуклый орден — орден Красной Звезды. И она проводит ладонью по ордену и говорит со смущенной улыбкой: «Вот он с чем ко мне пришел!» А Измаэль покачивает головой, укоризненно, как если бы она была его маленькая расшалившаяся внучка. «Я всегда делал то, что надо»,— повторяет он, и в речи его до сих пор непреодоленный жесткий испанский акцент, и фраза звучит коротко и твердо, как камень.

Больше он не скажет. Объяснять себя он не хочет. Прошлое он хранит в себе как боль и делится им неохотно, как будто уверенный, что должен блуждать там один, снова и снова видя взорванную яблоню, медленно оседающий мост и падающие набок, словно коробки спичек, вагоны, лицо Мигеля, убитого на Эбро, и ту страшную, огромную, вечную тишину, в которой он шел мимо виселицы с детьми, присыпанными снегом. Голые детские вытянутые ноги в ботинках. «Ассенсьон говорит: как же мы столько видели и еще живы! — медленно выговаривает он.— А я говорю: надо жить, потому что мы можем быть полезны». Он долго молчит. Она смотрит на него в терпеливом ожидании. Ему трудно говорить о себе, но он чувствует, что фраза повисла, ей нужна опора. «Я много воевал. Не должно быть больше войны. Мы с Ассенсьон посоветовались и решили (она кивает) переводить одну мою пенсию в год в Фонд мира. Но писать об этом не надо!» — возвращаясь к прежнему своему оборонительному тону, упрямо повторяет он.

Послесловие Фернандо

Дед. Испанец. Республиканец.
Эмигрант. Коммунист.
Дед взорвал яблоню попа, когда
был ребенком.
Родина за кормой. Дед отогревал
автомат у себя на груди.
Белоруссия. Украина. Зима.

Дед. Седые волосы. Через толстые
линзы очков читает газету.
Деду снятся порох и дым, далеко
от Испании с окнами из солнца
дед живет, чтобы родиться снова.
Чтобы снова домучиться до победы.

Дед хочет, чтобы его дети
чувствовали
серп, молот и звезду в своей
груди.

Дед из своей квартиры на площади
Победы
управляет еще битвами.

Это стихотворение, посвященное Измаэлю, написал его внук, кубинец Фернандо. Он учится в Москве, в МЭИ.

— У нас есть на Кубе поэтические конкурсы — сначала в школах, потом в провинциях, потом — главный, национальный. Это как бы литературный класс в школе — собирается человек двадцать, читают, обсуждают, делают замечания. А мне сразу захлопали. Потом я получил за это стихотворение первую премию — сто песо.

— Это много!

— Сто раз можно в кино сходить на Кубе. Много. Если каждые три дня ходить — целый год.

— Ходил!

— Я отдал эти деньги. Называется фонд милиции территориальных войск. Это не регулярная армия, а люди, встающие на защиту революции при первой необходимости.

— Откуда ты знаешь про деда! Он ведь не любит о себе рассказывать.

— В детстве я долго жил с ним и с Ассенсьон. По крупицам собралось. Я слышал, как дед кричит иногда ночью во сне. Я вставал, подходил к двери, смотрел в щель — спит. Наверное, ему снилась война. Здесь или в Испании. Он очень много видел.

Ассенсьон рассказывала, как смерть за ним по пятам ходила. Он в Белоруссии как-то из одной воронки прыгнул в другую, а в первой через секунду бомба взорвалась.

— Легко ли после Гаваны привыкнуть к Москве!

— У нас шумнее. На Кубе. Вечером пришли с работы — все на балконах. «Эй! У тебя есть то-то!» — «Нет!» — «А у тебя!» — «Есть!» — «Бросай!» Или ставят транзистор на подоконник и танцуют во дворе.

А вообще я не люблю чувствовать себя иностранцем. Люди ведь одинаковы, только сами придумали границы между государствами и между всем остальным. Я тут дружу с болгарами. Даже говорю немножко: «Как сте!» — «Добре!» Здорово звучит! А мой сосед Вовка недавно в поход меня снаряжал: сапоги, носки, куртка его. Общежитие!

На тумбочке у Фернандо книги: «Сто лет одиночества» Маркеса на испанском, томик Маяковского на русском.

— Что тебе близко в Маяковском!

— Тем, что он — такой! — Фернандо раскрывает книгу и показывает картинку: мускулистый высокий человек бьет молотом по наковальне. Летят искры.— И у нас сейчас этот период. Мастер знает, что хочет выковать. И еще. Есть люди, которые при жизни умирают. А есть, которые, умерев, продолжают жить, как Маяковский.

— Почему ты не остался учиться на Кубе!

— У нас еще негде изучать атомные реакторы, но мы и до физики доберемся. Мой отец тоже закончил МЭИ.

— Почему ты, поэт, выбрал физику!

— Чтобы писать, особенно ночью, нужен свет! У меня есть стихотворение. Послушай!

— Папа, что такое созидание?
— Это правда, сынок.
— А что такое правда?
— Это свобода, сынок.
— А что значит свобода?
— Это великая любовь, сынок.
— А что такое великая любовь?!
— Это созидание, сын!

— Чего ты хочешь в жизни!

— Как все — мира. И еще я хочу написать книгу о деде. Чтобы он был там такой, как в жизни,— молчаливый старик, живущий в Москве на площади Победы. В очках с толстыми линзами и с палочкой он идет в булочную и стоит в очереди, и никто не знает про него, что он солдат и испанец...

На снимке: участники одной из интернациональных бригад на уборке кофе.

ГОРЯЧИЙ КОФЕ НИКАРАГУА

Ян КАШПАР,
чехословацкий
журналист

Один грузовик везет нас, другой — наш багаж. Мы стоим в кузове, дождь бьет в лицо. Едем по стратегической дороге из размельченного камня. Едем на северо-восток от города Матагальпы, который стоит в 130 километрах к северу от Манагуа. Матагальпа — главный город шестого района. Там, как нам сообщили, идут бои местного значения с бандами контрреволюционеров. На красно-черных лентах, которые мы повязали в Манагуа вокруг головы, надпись: «Не пройдут!» Мы гордо подставляем лоб, повязанный красно-черной лентой, влажному никарагуанскому ветру и стараемся не выдать волнения: за каждым кустом нам мерещутся притаившиеся контрас.

Едем медленно, дорога петляет между скал, поросших перепутанной тропической зеленью. Что-то мелькнуло между пальмами и банановыми деревьями — автомат! попугай! Попугай. Хохочет, пролетая высоко над нами. Мы — это интернациональный отряд, который едет собирать кофе. Чехи, словаки, финны и один ирландец.

Мы будем собирать кофе в хозяйстве «Эль Хулар». Наши никарагуанские хозяева сказали, что сделают все возможное и невозможное, чтобы обеспечить нашу безопасность. Мы знаем — им можно верить. У нас оружия нет и не будет. Мы едем собирать кофе. Голыми руками.

Я приехал на неделю раньше, чем остальные члены отряда, чтобы ознакомиться «с условиями». Меня отвезли в «Эль Хулар» и рассказали, как организована охрана хозяйства и тех, кто работает на плантациях. Существует система выдвинутых вперед постов, откуда непрерывно днем и ночью ведется наблюдение за местностью. Меня познакомили с двадцатью молодыми ребятами в форме и с ружьями, которые непрерывно будут сопровождать нас. Мне показали на соседние горы и пояснили, что, прежде чем контрас удастся проникнуть в «Эль Хулар», им придется вступить в бой с теми, кто работает в двух хозяйствах, которые находятся выше в горах. В таком случае мы услышим шум боя и сможем принять необходимые меры безопасности. Никарагуанские товарищи были довольны: я мог собственными глазами убедиться в их предусмотрительности и не беспокоиться за судьбу интернациональных бригад. А оружия, сказали мне, нам дать не могут: никарагуанская революция должна защищать себя сама, и приходится избегать малейшего предлога для вооруженного вторжения империалистических сил.

Мы стоим в кузове и близимся к цели. «Эль Хулар» от нас на расстоянии ружейного выстрела. Дождь становится сильнее. Наше нетерпение тоже. Из Манагуа в Матагальпу мы ехали хорошо. Светило солнце. Встречный ветер приносил прохладу. Мы пели. В Матагальпе мы час ждали военный конвой, чтобы ехать в «Эль Хулар». Пошел дождь. Мы перестали петь. Приехал красный вездеход «тойота». В нем шесть вооруженных автоматами парней. Один пересел в кабину нашего грузовика, другой — в тот, где были вещи, остальные в «тойоте» поехали впереди. На первом же перекрестке вездеход исчезает за поворотом, а мы останавливаемся и ждем, пока ребята проверят дорогу. Минут через пять «тойота» возвращается, и мы продолжаем путь. На шестом километре из зарослей появляется фигура с автоматом, а вездеход ушел далеко вперед...

Когда в Манагуа нашу бригаду встречали руководители Сандинистской молодежи «19 июля», нам вручили памятный вымпел с портретом Юлиуса Фучика и сказали: «Мы высоко ценим солидарность чехословацкой молодежи, решившей помочь нашей родине в тяжелое и опасное время и приславшей к нам двенадцать своих представителей. Вы поедете собирать кофе в район, где идет необъявленная война. В прошлом году погибло десять сборщиков, в этом году тоже

могут быть жертвы. Мы говорим вам об этом, чтобы вы знали все. Ваша работа — это совсем не туристская прогулка».

...Грузовик остановился. Дождь льет как из ведра. Человек с автоматом в форме сандинистской народной милиции хочет проверить наши документы. Шофер протягивает ему бумаги. Из-за поворота на бешеной скорости выскакивает спешащая нам на выручку красная «тойота». Милисиано листает наши промокшие под дождем документы. Начальник конвоя выходит из машины и спрашивает милисиано, в чем дело, почему он нас остановил! Милисиано молча подает водителю наши бумаги. Отдает честь. Мы едем дальше. Теперь вездеход не отрывается от нас больше чем на три метра. Так, с «тойотой» впереди, мы въезжаем на территорию хозяйства «Эль Хулар».

Все (не считая меня, я здесь уже был) несколько обескуражены: дождь превратил улицы, если так можно назвать пространство между лачугами, в непролазное месиво из глины и самого разного мусора. В лужах бродят ребятишки. Вид у них болезненный: вздутые животы, у многих признаки тра-[redacted]

В столовой (деревянная хижина на краю поселка) нас ждет громадное блюдо остро пахнущей вареной красной фасоли. (Как мы потом поняли, порцию, которую получил каждый из нас, никарагуанская семья из 5—6 человек съедает за целый день, а для нас хозяйство «Эль Хулар» по своим возможностям постаралось создать роскошные условия.) Вода, которую мы пьем, течет прямо из трубы на выгоне в другом конце поселка, мы в нее добавляем дезинфицирующие порошки, от чего она, понятно, не становится вкуснее. Жить мы будем в двух деревянных бараках на двести человек, это чуть выше в горах. В распоряжение отряда имени Юлиуса Фучика предоставлены две «комнаты» с деревянными нарами в два этажа на восемь человек каждая. Потолка нет, высоко над нами общая крыша, и там под стрехой одна лампочка на все помещение. Окна в «комнате» нет, вместо него отверстие в стене. Дверь в «комнату» можно закрыть, только подперев ее снаружи камнем. (В никарагуанских крестьянских домах вообще никаких замков, а часто и дверей не бывает.)

Съев фасоль, мы укладываемся спать на деревянные нары. Просыпаемся от автоматной очереди. Выскакиваем на улицу. Все спокойно. Нам говорят: «Нет, нет, это не контрас, это наш товарищ дал очередь. Ему показалось, что кто-то крадется». Мы вглядываемся в темноту. Ничего не видим. Только дождь и туман.

Мы должны понять никарагуанскую реальность и помнить о смысле нашего приезда сюда. Об этом разговор во время вечерней встречи с никарагуанскими друзьями.

На митинге мы выдвигаем предложение перечислить все деньги, заработанные на сборе кофе, в фонд защиты никарагуанской революции. Наше предложение принято, раздаются аплодисменты, выкрики: «Да здравствует пролетарский интернационализм!», «Без самоотверженности революция не победит!»

После митинга мы танцуем в коридоре между «комнатами» со студентками из Матагальпы. Высоко под самой крышей висит единственная на весь барак лампочка. Один парень с автоматом в дальнем от нас конце коридора, другой — в ближнем. Остальные восемнадцать солдат нашей охраны уходят на ночное дежурство на окружающие «Эль Хулар» [redacted]

На наши лица возвращается румянец, а к нам — чувство юмора и какого-то радостного оптимизма. «Как на уборке хмеля!» — кричит счастливый голос по-чешски. Его обладатель самозабвенно пляшет с семнадцатилетней красавицей из Матагаль-[redacted]

И действительно, как на уборке хмеля. Так могло быть с нашими родителями году в 1946-м где-нибудь в Словакии, когда разбитые бандеровские банды пробирались по словацкой земле на юг, и молодым уборщикам хмеля — школьным и студенческим бригадам — приходилось участвовать в боевых стычках. В Никарагуа идет война, развязываемая США, и кофейные плантации — одни из стратегических участков этой войны. Контрреволюция хочет во что бы то ни стало помешать уборке кофе, чтобы лишить страну валютных поступлений от его экспорта. Делается это и прямо и косвенно. Прямо — бандиты нападают на хозяйства и убивают сборщиков. Косвенно — нападения приурочиваются к периоду уборки урожая, чтобы заставить народную армию привлечь в свои ряды тех, кто еще вчера работал на плантациях. Только один пример. Столица выделила на уборку кофе 18 тысяч студентов и старших школьников. В день отъезда на плантации вся эта армия сборщиков под угрозой американской интервенции осталась в Манагуа для защиты от возможной агрессии.

В понедельник в четыре утра мы проснулись от землетрясения: пятьдесят никарагуанских студентов собирались на плантацию. Мы тоже повскакивали со своих топчанов, преисполненные решимости показать пример в работе. Отправляемся на плантации. Впереди — наша охрана с автоматами, замыкают строй солдаты с автоматами, вокруг нас — где-то идут бои, но все это нам нипочем — мы идем ставить рекорд.

В шесть утра углубляемся в заросли кофейных кустов. На поясе — плоская плетеная корзина, на плече пустой пока мешок. Решительно сжав зубы, мы ищем и рвем в зеленых джунглях красные плоды, но корзинки наши наполняются медленно — зрелых красных зерен еще мало. Мы не сдаемся: молча, остервенело, целеустремленно идем на побитие рекорда.

А мир вокруг нас ликует и веселится. Студенты и студентки из Матагальпы и Хинотеги на соседних участках поют, смеются, о чем-то перекликаются и даже танцуют. Что за легкомыслие!! Возмущение переполняет наши души. Наконец пришло время подвести итоги, и выясняется, что самый старательный из нас собрал в половину меньше зерен, чем самый отстающий из наших соперников.

На следующий день мы тоже пели. Чешские, моравские, словацкие народные песни, оперные арии и современные хиты, лирические и такие громкие, что нам самим казалось — начинается землетрясение. Но ребят из Матагальпы и Хинотеги догнать все равно не удалось.

Компанеро Запата, старший на плантации, в обязанности которого входило, помимо прочего, трубить в коровий рог, возвещая обед или конец рабочего дня, на второй день подошел к нам и сказал: «Ребята, давайте научимся». Он повел нас к началу рядка и показал, сколько красных зерен мы оставили на кустах. После этого за полминуты он сорвал одной рукой и ссыпал в свой рог столько красных зерен, сколько мы двумя руками за четверть часа. Потом свой полный рог он высыпал в корзину тому, кого учил. Нам всем захотелось быть учениками компанеро Запаты.

В годы студенчества мы все работали на уборке хмеля, но кофе — это совсем другое дело. У хмеля нагнешь ветку и отдираешь шишки. Кофейную ветку нагибать нельзя, куст и все ветки должны оставаться на своем месте, а уж ты изгибайся как хочешь, чтобы дотянуться до красного плода. Стебелек, который пробивается рядом, потревожить нельзя — на нем уже завязывается черешок, из которого потом вырастает очередной красный плод. Если куст весь покрыт красными плодами, собирать, конечно, легче. Если же спелые зерна рассыпаны вперемежку с зелеными, дело идет плохо.

Мы учились собирать кофе с полузрелых кустов, где красные и зеленые плоды висели вперемежку, и зеленый ни в коем случае нельзя было побеспокоить: ему предстояло дозревать. Мы учились быть внимательными, осторожными. Мы приспособились к местному колориту (и темпераменту). Мы больше не собирались ставить рекорды, но выработка шла неуклонно вверх. И это нас радовало.

Испанка Роза не была членом интернационального отряда. Она приехала в Никарагуа в гости, жила в Матагальпе и, когда начали записывать добровольцев на сбор кофе, записалась. Роза собирала кофе вместе с никарагуанцами, девушки и ребята поверяли ей все свои тайны, поэтому она была хорошо осведомлена обо всем, что происходит в хозяйстве (и об отношениях между сборщиками кофе): для нас, особенно

в период адаптации, она была неоценимым источником информации.

Однажды, дня через два по приезде, она нам сообщила, что студентки из Матагальпы решили делать вид, будто нас вообще не замечают, дабы не вызывать ревность у никарагуанских ребят. Потому что и так ребята в этом смысле не спускают с нас глаз.

Мы были потрясены: конечно, семнадцатилетние красавицы из Матагальпы были необыкновенно хороши, но ведь мы серьезные люди, мы приехали собирать кофе и вести политическую работу, а не флиртовать с красавицами. И мы приняли соломоново решение: укрепим в никарагуанских парнях чувство самоуважения, уверенность в себе. А для этого позволим им выиграть у нас в футбол. Гениальность этого решения была в том, что мы в душе прекрасно понимали: они выиграют матч в любом случае — позволим мы это или нет.

С другой стороны, мы знали: мы приехали из страны футбола в страну бейсбола, то есть игры, где мяч обрабатывают руками. Поэтому несколько европейцев решили играть в никарагуанской команде, чтобы укрепить ее. Но уже в первом тайме мы поняли свою ошибку. Никарагуанцы играли как черти: технично, изобретательно, невероятно быстро и так вежливо (мы все-таки гости), что хотелось их игру назвать ласковой, если бы это определение было применимо к такой игре, как футбол.

Встреча, которую мы хотели проиграть, была международной: Чехословакия против Никарагуа. Мы умело скрывали свое благородное намерение проиграть, но когда счет стал 0:5, наши чешские и словацкие сердца не выдержали, мы собрали все свои силы — и проиграли 6:7.

Хозяйством «Эль Хупар» и всем сбором урожая руководил товарищ Томаш, студентами — Виктор, Густав и Ноэль. На ответственности Ноэля было еще одно хозяйство, поэтому он все время курсировал между ними. И всех четырех тревожила одна проблема.

Дело в том, что кофе еще не полностью созрел, и поэтому показатели сбора были низкими, это никого не беспокоило, так бывает всегда: уборка достигает своего пика во второй половине декабря и в январе. Но и на половину созревший кофе все равно необходимо собирать, выискивая зрелые плоды. Каждое утро надо вставать в четыре утра и обследовать все кусты, ряд за рядом. А потом ждать дождя, потому что кофе, к нашему великому удивлению, созревает не в солнечные, а в дождливые, пасмурные дни...

Ожидание — это часть жизни, что понимает каждый взрослый, умудренный жизнью человек. Но не студенты. Ребята и девушки, приехавшие добровольно в «Эль Хупар», чувствовали себя (и совершенно справедливо) людьми, совершающими героический поступок: они променяли каникулы (в тропической Никарагуа каникулы в декабре и январе, а не как у нас, в июле и августе) на тяжелую работу в районе, где лютуют контрас. Они приехали собирать кофе, выражая этим свою преданность революции, они хотели работать так, чтоб им было не стыдно перед революцией за результаты своего труда. А кофе не созревал. И приходилось ждать дождя. Ожидание было тем несноснее, что нельзя было шагу ступить за пределы деревни — опасно. Маршрут всегда один: общежитие, кухня, она же столовая, и прогулки вдоль ручья, двадцать метров вверх по течению, двадцать метров — вниз. И наши никарагуанские братья и сестры (введенное революцией обращение друг к другу) чувствовали себя как стреноженные жеребята.

Диалоги между Виктором, Густавом, Ноэлем и их революционно настроенной армией были, используя дипломатическое выражение, весьма откровенными. Виктор, Густав и Ноэль говорили, что революционер не тот, кто дает рекордную выработку при оптимальных условиях, а тот, кто готов подчинить свои желания реальности.

И все мы по-прежнему вставали в четыре утра, до шести было время на мытье и завтрак и на построение перед общежитием. Каждое утро нам сообщали итоги прошлого дня, называли лучшего сборщика по категориям: интеротряд, студенты, крестьяне. Потом мы брали свои корзинки, пустые мешки и длинной змеей по подвесному мостику тянулись в гору к плантации. Впереди и сзади нас шли солдаты с автоматами на изготовку. Компанеро Запата приводил змею к первым рядам кустов и каждого ставил на его рабочее место. В семь часов работа была уже в разгаре, мы обследовали куст за кустом и углублялись все дальше в кофейные заросли. В двенадцать издали доносился зов коровьего рога компанеро Запаты, и мы выходили на просеку — обед. Нам раскладывали по мискам вареную красную фасоль (ее мы получали на завтрак, обед и ужин), порцию вареного риса и одну тортилью (тонкую лепешку из кукурузной муки).

После обеда мы работали до трех, иногда до четырех часов, и снова раздавался зов коровьего рога компанеро Запаты — «заканчивай».

Мы выходили с мешком кофе на спине к ближайшей просеке, там становились в очередь друг за другом и пересыпали кофе из мешков в коробку — меру (лату). А оттуда кофе пересыпали уже в другой мешок, пока он не заполнялся доверху. Потом мешки завязывали, и местные крестьяне оставались ждать, пока из-за гребня горы появится грузовик. Грузовик отвозил кофе в хозяйство, откуда его, предварительно очистив, отправляли в город. Окончательная очистка и сушка производились в городе на специальной фабрике.

После работы мы возвращались в общежитие и валились на свои нары. Но только на пару минут, потому что впереди была наисладчайшая часть дня — душ под водопадом. Мы забирались в ручей, в гусиную заводь, и там начинался водный праздник.

В шесть — ужин. От купанья и до отбоя, когда тушили лампочку вверху и все шли спать, было наше свободное и самое занятое время. Валентин, врач отряда имени Юлиуса Фучика, например, сразу после купанья начинал прием больных, а остальные разговаривали, спорили, разъясняли.

Так мы жили.

Когда же нам после недельного покоя показалось, что контрас скорее предмет экзотики, нежели реальности, Густав объявил тревогу, и весь интеротряд должен был улечься на нары и не подавать признаков жизни. Это была тренировочная тревога, и, кроме того, Густав нашел единственный способ прекратить дебаты, затянувшиеся далеко за полночь. Но была и настоящая (мне довелось пережить ее только раз), в которой никарагуанцы действовали с изумившей нас скоростью и четкостью. Где-то поблизости в горах что-то произошло (что, нам так и не сказали, наверное, чтобы понапрасну не тревожить), и солдаты один за одним ушли в темноту, нам же было приказано лежать на нарах и ждать под охраной двух автоматчиков.

Наутро мы узнали, что в пустом сарае для кофе сидит под замком контрас, которого задержал товарищ Томаш. За контрас, пытавшимся заминировать дорогу, по которой дети ходят в школу, должны были приехать из города.

Потом две недели шли дожди, и кофе созревал прямо на глазах. Отряд имени Юлиуса Фучика собрал 310 лат кофе, это примерно 3 тысячи долларов. Наша средняя дневная выработка достигала 2,4 латы, а наш лучший сборщик Влк однажды собрал целых 5,4 латы. Кроме еженощных незапланированных дискуссий и лекций, мы провели пять больших политических мероприятий на темы: Чехословацкая Социалистическая Республика, Социалистический союз молодежи, Юлиус Фучик, земледелие в Чехословакии, XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москве.

И вот пришло время расставания. Мы прощались с товарищем Томашем, с компанеро Запатой, с Густавом, Ноэлем, Виктором, с испанкой Розой, со всеми красавицами из Матагальпы, с нашими футбольными соперниками, со всеми никарагуанцами...

И хотя мы выполнили дело, ради которого приехали, на душе было тяжело. Мы оставляли наших друзей, оставляли под постоянной угрозой нападения контрас и уезжали в безопасный свой дом, снабженный всякими удобствами и благами. Мы уезжали, но братья и сестры из Никарагуа остались навсегда для нас братьями и сестрами.

Сокращенный перевод с чешского Д. ПРОШУНИНОЙ

ПОКОЛЕНИЕ АЛЬЕНДЕ

Наш корреспондент встретился с чилийскими патриотами, которые рассказали о том, как поколение, сформировавшееся в период Народного единства, несмотря на все репрессии фашистской диктатуры Пиночета, сохраняет верность идеалам справедливости и продолжает сегодня борьбу за возрождение на своей родине демократии

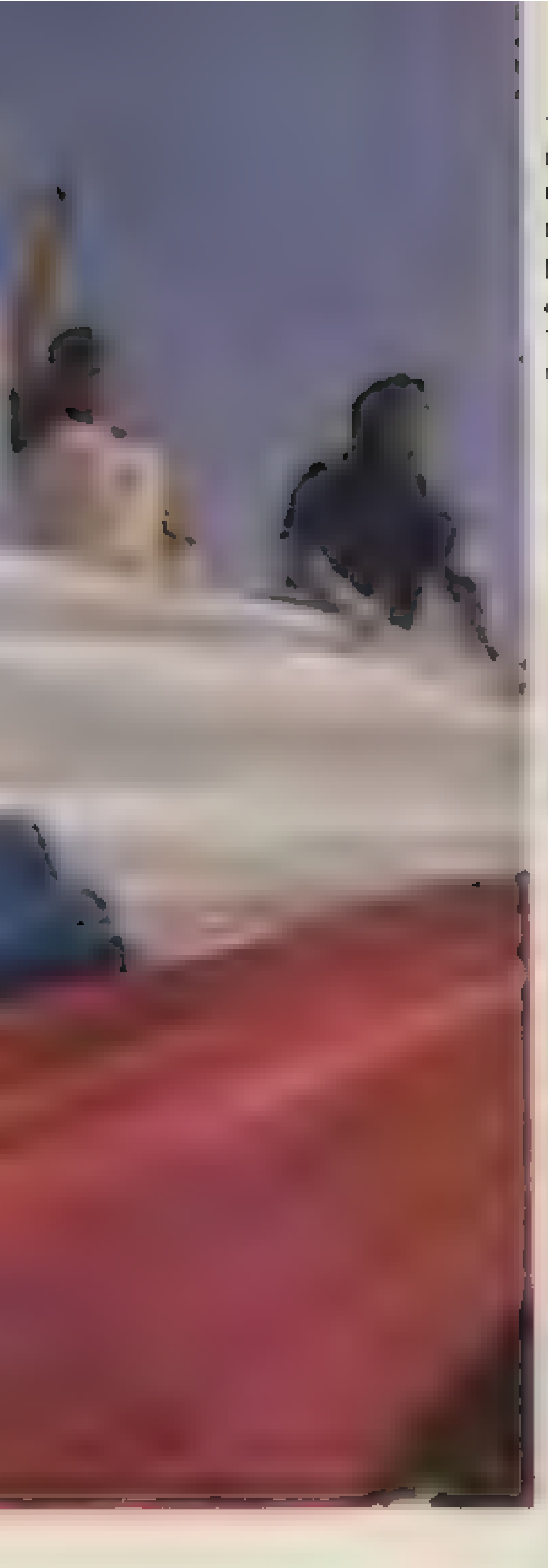
В беседе приняли участие Патрисио ГОМЕС, Коммунистическая молодежь Чили, Хулиано НИЛО, Революционная радикальная молодежь Чили, Марко ГОНСАЛЕС, Социалистическая молодежь Чили, Изабель РОМАН, Повстанческая молодежь имени Мигеля Энрикеса

Хулиано. ...Отца из-за политики переводили с места на место, все подальше, поглуше. Он, железнодорожник, увлекался политикой, считал, что такое время — надо всем увлекаться политикой, ничем другим, это был конец 60-х годов, перед победой Народного единства. Я еще в школу не ходил, а на митинги ходил. Сидел с отцом на собраниях. Из-за его увлечения мне пришлось учиться в трех начальных школах. Одна была сельская, мы ходили в школу с сестрой. Шли несколько километров. В семье шесть братьев и сестра, и все заняты политикой. Когда переехали в Маульин, отец стал руководителем родительского комитета всех лицеев города. Дух собраний и митингов витал у нас над обеденным столом. Отец считал это нормальным, мол, так и следует жить.

Патрисио. ...Маульин — это же моя родина. Маульин — город на берегу моря. Песок. Лес. Море. Песок такой... очень яркий. Слепит. В Маульине люди молчаливы, спокойны. Наверное, я должен был стать самым типичным маульинцем. Но для этого надо было прожить в Маульине хоть часть жизни — той нашей жизни.

Хулиано. Я работал в молодежной бригаде имени Рамоны Парры. Это агитационная бригада. Мы писали лозунги на стенах домов. У бригады машина и краски. Машина тормозит у какого-нибудь забора, у дома,— мы подлетаем к стене, каждый отработал все движения. Мы лепим лозунг дому, как влепливают оплеуху: рраз!

Много было случаев, когда приходилось убегать от полиции. И в этой ситуации каждый шаг нашего бегства был отработан, а лозунг в челове-

ческий рост светил на всю улицу.

Марко. А мы долго жили за границей. Но все равно: первое слово, которое стал говорить мой маленький брат, было «Альенде».

Патрисио. В день, когда Альенде победил на выборах, я лежал дома, один, больной, в кровати у окна. Все наши были на улице, даже сестра убежала, которой было велено за мной ухаживать. Я слушал радио и подтягивался к окну. Когда на улице все взорвалось от радостных криков, я мог и не прислушиваться к радио, я уже знал: такое может случиться с улицей только при звуках одного имени. АЛЬЕНДЕ. Я машинально припал к радио. Через минуту повторило и радио. АЛЬЕНДЕ. Я почему-то уткнулся в подушку и заплакал. Когда пришли родители, мама подошла ко мне и дернула меня за руку, вставай, сказала она, ты не болен, ты совершенно выздоровел, малыш.

Марко. Мы вернулись на родину в семьдесят третьем, за несколько месяцев до путча Пиночета 11 сентября. Я пошел в восьмой класс в Сантьяго.

Изабель. Одиннадцатого сентября я пошла в лицей. То, что может произойти переворот, давно чувствовали все в Сантьяго, все в Чили. Я пошла в лицей, потому что дома говорили: надо хоть что-то предпринять, попытаться объединиться, выйти на улицу с лозунгами. Надо защитить правительство. Но в нашем лицее учились дети богачей, там некого было организовывать, и тогда мы, несколько учащихся, отправились в другой лицей. Большой колонны все равно не получилось.

Я пряталась по разным домам. Я еще не знала, что родители арестованы. Потом они попали в концлагерь.

Марко. Нашу квартиру оккупировали военные. Мать держали под домашним арестом, отец не вернулся с работы. Только несколько дней спустя мы узнали, что он в концлагере. Наша квартира была в высотном здании на одном из верхних этажей. Сверху было видно, что творится на улице. Там были танки и бронетранспортеры. Люди бежали, падали. Оставались лежать перед самыми танками. Я не сразу понял, что это убитые. А утром военные вломились в лицей. Мы выпрыгивали из окон. Я побежал домой... Потом было разрешено вернуться к учебе.

Хулиано. Мы прятались целый месяц — я, один из моих братьев и еще два моих товарища. Почти все из нашей ячейки были арестованы, многие убиты. Дома был обыск. Старший брат попал в концлагерь.

Патрисио. Я переезжал с квартиры на квартиру, потом из города в город. Стал работать в подпольной прессе. Нашу газету мы развозили парочками — парень и девушка не вызовут подозрений у полиции. Но раз нашу машину остановил патруль, и мне было велено открыть багажник. Втыкая ключ в замок багажника, я увидел, что мои руки, освещенные фонариком полицейского, сильно дрожат.

Хулиано. ...Из концлагеря мой брат вышел инвалидом. У него надорвана психика. Нельзя такое, конечно, говорить, но я вижу, что они с ним сделали. Это теперь конченый человек. Он ничего не делает. Так... живет. А он не такой человек, то есть он не таким был человеком. Это так пытали

Патрисио. Я подумал, что это конец. Но полицейский не увидел, как дрожат мои руки. Или они привыкли, что у людей дрожат руки при встрече с ними. Они не стали обыскивать машину, велели ехать дальше. Я сел за руль — и не могу. Руки не мои.

Марко. Полковник, чье подразделение оккупировало лицей, дал разрешение продолжать учебу: «Жизнь должна войти в привычную колею». Но военные остались. Каждый день они входили в учебный класс, проверяли, как мы поем государственный гимн. Мы пели. Вставали и пели. Они стояли и слушали. Так повторялось каждое утро. Их численности хватало, чтобы присутствовать по утрам в каждой аудитории. Я был слишком мал, но мои политические взгляды уже можно было определить. Я симпатизировал левым. Следовательно, я должен был скрывать свой образ мыслей — неопределенный образ мыслей мальчика, естественно симпатизировавшего левым. Учиться было невозможно. Они были и в коридоре, везде.

Изабель. Некоторое время спустя после переворота мы попытались провести демонстрацию в пригороде Сантьяго. Нас было мало. Группка молодежи. Едва мы выстроились, чтобы идти, подъехали карабинеры и открыли огонь. Товарищ, который шел рядом со мной, был ранен. Пять или шесть кварталов мы тащили его на себе. Нас преследовали, уже почти догнали. Тогда двое из нас преградили им путь, и товарищей арестовали, а я с раненым успела сесть в машину и отвезла раненого к врачу. Я тогда пережила сильное нервное и физическое напряжение, почти потеряла все силы, я боялась за жизнь беспомощного человека у меня на руках. Я тащила его, а те двое даже не знали, что их ждет, когда их арестовывали. Они буквально пожертвовали собой. Они могли просто исчезнуть. Тогда это было уже просто, всем знакомо. Человек исчезал. И эти два моих друга исчезли на моих глазах. Всех моих товарищей арестовали, и я о них все годы ничего не знаю. Но меня, видите, не арестовали, и я не исчезла. Я знаю почему. Во время манифестаций мои товарищи все время стараются держаться около меня, чтобы в случае опасности загородить меня, себя подставить. Я точно знаю, что несколько раз это спасало меня. Зачем они это делают! Они загораживают меня от пуль... идут навстречу полиции... я остаюсь за их спинами и вижу. Возможно, когда-нибудь они не успеют меня загородить. Или не останется кому меня загораживать...

За тот случай, первый, у меня совесть совершенно чиста, хотя я не могу не оплакивать моих товарищей. Но я думаю: если бы арестовали всех — всех и меня, кто бы дотащил раненого к машине и увез к врачу!

Патрисио. Я обещал все время себе: когда-нибудь я про это напишу. Напишу рассказ. Стихи. Повесть. Роман. А дни проходили, и следом прошли годы. И много моих товарищей погибло, а мне все везет. Больше я не хочу обещать себе: напишу об этом рассказ. Может, напишу. Скорее всего нет. Я хочу сказать: жизнь — это не тема для рассказа. Наша жизнь. Вернее, тема, но пусть напишет кто-то другой, со стороны. Однажды, во время подпольного собрания, к дому

подъехала машина с полицейскими. Мы выпрыгнули из окна. Со второго, довольно высокого этажа. Никто не переломал ног. Сюжет, да! Но я могу дополнить его лишь одной подробностью: как хорошо было слышно, когда они бежали по лестнице к нам на второй этаж. Конечно, если вы меня начнете получше расспрашивать, я, может быть, вспомню, кто из нас, стоя у окна, вовремя заметил машину секретной полиции и сообразил, что вот на этот раз они собрались за нами, это не патрулирование, а именно за нами.

Хулиано. Моего друга арестовали тринадцатого сентября 1973 года, то есть через день после переворота 11 сентября. Его пытали в течение семи дней. Выпустили. Через три дня арестовали вновь во время собрания Революционной радикальной молодежи (он возглавлял организацию в нашем Маульяне). Сестра объездила все тюрьмы, но не нашла его. Прошло два месяца. Никто из родных его уже не искал. Через два месяца после того, как он исчез, в дом приносят часы для починки, поскольку отец моего друга часовой мастер. Приносит маленькая девочка. И это часы... отец узнает эти часы.

Он спрашивает девочку, откуда у нее эти часы. Но она убегает. Отец идет за ней, садится вместе с нею в пригородный автобус и едет, не спуская глаз с девочки, так он узнает, где она живет. Он долго разговаривает с родителями этой девочки, они насмерть перепуганы. Он плачет перед ними. Наконец они сознаются, что сняли часы с трупа на берегу реки.

К реке подойти нельзя, эта зона охраняется полицией, это запретная зона. Но он пробирается и видит тринадцать трупов на берегу. Он наскоро хоронит сына и спешит в город к судье. Судья говорит: возможно, что это был труп не вашего сына. Отец настаивает, требует, чтобы судья направил к реке людей. Судья уступает, а на берегу уже пусто. Тогда отец указывает на место, где он закопал тело сына, и судья вынужден отдать распоряжение об эксгумации. Отцу выдают врачебное заключение о смерти, в котором написано, что его сын умер от острой скоротечной анемии. Отец снова идет к судье и утверждает, что видел след от автоматной очереди на теле сына. Судья тоже видел этот след. Они оба одновременно видели этот след, и только поэтому судья соглашается: да, был след от автоматной очереди. Отец просит внести этот факт в заключение о смерти. Пожалуйста, говорит судья с большой неохотой и спрашивает отца, что это ему даст. Отец настаивает. Судья соглашается и вносит поправку в заключение о смерти. Он пишет: умер от острой анемии со следами пулевых ранений. Вот так...

Марко. Два года назад я вернулся на родину потому, что без родины мне трудно было жить. За границей я закончил школу. Потом — университет. Там, вне родины, я активно участвовал в организации движения солидарности с борющимся народом Чили. Настало время, когда я понял, что обязан вернуться, хотя я понимаю, как много пользы своему народу можно принести, продолжая личную эмиграцию. Я вернул-[redacted]

Я хорошо знал положение в стране, и ничто не могло меня удивить. Я был хорошо подготовлен к тому, что увижу на месте родины. К моменту возвращения меня можно было считать специалистом по Чили. Ведь, для того чтобы опровергнуть, скажем, такое наглое утверждение, как заявление одного американского дипломата, что в 1973 году они «спасли Чили от коммунистов», надо было оперировать фактами. Я знал факты, много фактов.

Я не мог чему-либо удивиться. Ничто в моей стране не могло меня поразить. Я все знал.

Я приехал.

Увидел.

Шок, который я испытал, потом пришлось долго преодолевать, чтобы элементарно не деморализоваться, чтобы начать работать.

В кинотеатре идет пустейший какой-нибудь французский фильм — люди не понимают его. Они потеряли связь с реальностью. Страна живет отгороженная от всего мира. Я сам находился как в вакууме, пока не был арестован и не провел некоторое время с товарищами, которые вели активную политическую борьбу, активную жизнь. Они помогли мне потом наладить связь с политическими организациями. Сейчас я принимаю участие в работе комитетов по защите прав человека в Чили.

Хулиано. Я живу в районе, где обитает чилийская буржуазия. Не так давно на моем участке была тишь да гладь, но теперь и в таком привилегированном квартале полиция вытаскивает людей из домов, избивает, жители обороняются от полиции.

День протеста начинается рано утром. Все замкнутое пространство из полутора десятка домов наполняется шумом, грохотом, люди выкрикивают лозунги. Воздух пропитан слезоточивым газом.

Мы организуем пункты медицинской помощи, где работают наши врачи и медицинские сестры. В обычную клинику дорога для раненых манифестантов закрыта — там тотчас арестовывают. Так сказать, анамнез проводит полиция, а не врач! Очень часто против манифестантов применяют дробь.

Патрисио. ...Я знаю, что такое дробь.

Хулиано. Дробь не убивает, лишь проникает в кожу. Надо дробинку выдавить. Это больно. Некоторые дробинки проникают глубоко. Тогда это ужасно больно. Их приходится удалять только с помощью хирургических инструментов. Я однажды вез к хирургу двоих. Они получили в спины заряд по триста штук дроби! Мне было неприятно смотреть на их спины: делалось страшно, а я их вез, отвечая за их безопасность. Это были рваные спины.

Люди продолжают исчезать в Сантьяго.

Марко. Но иногда изуродованные трупы оставляют на тротуаре, на дороге, возле дома. Чтобы было нагляднее: с тобой может случиться то же. Я много езжу сейчас по стране, собираю сведения о погибших и исчезнувших людях, провожу статистический анализ репрессий. Шестьдесят процентов жертв — молодежь. Число раненых во время демонстраций приближается к числу раненых в первые дни после переворота. Смерть — обычное явление жизни. Смерть — это будни. Во время одной из манифестаций восемьдесят третьего года было расстреляно сто человек. Восемьдесят из них — молодые ребята. Это наше поколение. Поколение, которое можно было бы назвать поколением Альенде. Мы из его времени. Но теперь мы — расстреливаемое, уничтожаемое страхом, пытками поколение! Нет! Мы испытали на собственной шкуре: диктатура — это смерть. Пока мы боремся — мы живем.

Патрисио. На футбольном матче в Сантьяго за десять минут до игры вдруг погас свет. Я там сидел, видел. Играли мы с Эквадором и вели в счете. Погас свет, как и было задумано, чтобы удобнее было бросить листовки. И посыпались листовки. В этой мрачной темноте, в котловане стадиона. Люди вскочили как подброшенные. Все закричали одно и то же. Люди кричали и обнимались, и невозможно было их остановить, и невозможно было арестовать весь стадион, который кричал: «ПИНОЧЕТА НА МЫЛО!»

Марко. У нас большие трудности с бумагой, чернилами. Часто пишем листовки от руки. На все нужны деньги. Где их взять! Сколько приходится пробегать в поисках денег. Но работа идет, потому что она необходима.

Хулиано. В семьдесят шестом году еще не было массовых, как сейчас, манифестаций, так что, возможно, та, о которой я расскажу, была одной из самых первых. Она проходила в церкви. Прибыл кардинал, противник диктатуры. Едва он вышел к пастве, мы вытащили белые платки и закричали: «Свобода, свобода!» Помню, тогда люди плакали от того, что смогли закричать такое. Я был мальчишка, и я плакал и кричал «свобода», и сквозь слезы я увидел друга.

Три года я считал его погибшим.

Мы бросились друг к другу и сжали друг друга в объятиях.

Патрисио. Мы поколение семьдесят третьего года — тогда нас стали расстреливать. Но мы — поколение Альенде. Мы не расстреля-[redacted]

Изабель. Нет! Нет!

Записал В. СИМОНОВ

Вольфганг ШВАРЦ,
журнал
«Нойес лебен» (ГДР)

ЛЮБОВЬ— ЭТО НЕ ПРОСТО

**Каким должен быть настоящий мужчина?
Как понравиться девушке?
Может ли девушка первой объясниться в любви?
Равноправные или похожие?**

Мужчина должен быть сильным

«Ты же девочка!» — говорили ей, когда она лазила по деревьям вместе с мальчишками. «Ты же мальчик!» — слышал он, когда у него от боли набегали слезы на глаза.

Так еще детьми они узнали, что мужчинам и женщинам предназначены в жизни разные роли. Ведь мальчиков и девочек отличают не по одной внешности — еще и по поступкам. Это Йорг и Кордула усвоили от родителей и от товарищей по играм: «Да нет, нам девчонки не нужны!»

«У мужчины должен быть сильный характер! Мужчина должен уметь преодолевать препятствия!» Эти слова суть расхожего представления о роли мужчины. А для отца Йорга целью воспитания и было сделать из чувствительного маленького мальчика жесткого и решительного парня. «Настоящий парень должен и драться уметь, если что-то не по нему!» У Йорга все эти отцовские наставления свежи в памяти. И, взрослея, он с каждым годом все лучше и лучше чувствует себя в роли мужчины. А настоящий мужчина — какой? Сильный, независимый, знающий о своем превосходстве над женщинами. А кто таким не сможет стать, тот и будет всю жизнь под башмаком у жены...

Оправдать ожидания?

«Женщина должна вести себя так, чтобы понравиться мужчине, должна стать необходимой сначала для мужчины, а потом для семьи!» Мама Кордулы всегда ужасно заботилась о том, чтобы Кордула выглядела чисто и аккуратно. «Будь внимательна, не измажься, не шатайся где попало, поспеши вымыть посуду, прежде чем папа придет с работы!» И Кордула грустно думает: «Лучше бы я была мальчиком». Но вздыхает она тихо-тихо. Внешне она, как и Йорг, конечно, старается оправдать ожидания и соответствовать роли.

Йорг думает, как он должен себя вести, чтобы все ви-

дели в нем настоящего мужчину. Иногда эта роль кажется ему невероятно трудной Особенно не по себе ему, когда он должен по отцовскому приказу идти в подвал. Там вполне могут быть мыши... Но если его кто-нибудь спросит об этом, то он ответит, что ничего не боится.

Кордула же, как и всякая другая девочка, пытается обнаружить в себе женщину, привлекательную для других. Она не очень-то представляет, как должна выглядеть эта женщина и как должна вести себя, чтобы нравиться. Она и ее друзья не всегда знают, как правильно играть «мужские» и «женские» роли. Но они хотят играть их всегда безукоризненно верно, не замечая, как относятся к ним люди вокруг. И оттого мальчики часто выставляют себя суперменами, а девочки утонченными леди.

Но, может быть, за этим маскарадом скрываются люди, на самом деле совсем не такие, какими они себя показывают? И что было бы, если бы каждый показывал себя таким, каков он есть, и не играл бы той роли, которую все ждут от него? Отличались ли бы тогда друг от друга в своем поведении, в своем мышлении и в своих чувствах мальчики и девочки, а потом мужчины и женщины?

Различия в поведении мужчин и женщин сложились давно. Эти различия коренятся в общественном разделении труда. Женщина, попав в экономическую зависимость от мужчины, должна была подчиниться его желаниям и требованиям. Биологические особенности мужчины и женщины сами по себе не могли бы создать различных способов мышления и чувствования.

— Подождите-ка! — перебивает Кордула, когда учитель разъясняет все это на уроке обществоведения.— При социализме мужчина и женщина равноправны. Значит, у женщины в том, что касается профессионального и общественного положения, те же возможности и шансы, что и у мужчины. Выходит, скоро не будет никаких различий между мужчиной и женщиной, я имею в виду в мировоззрении и поведении? И что же в этом хорошего?

Как родители?

По дороге домой Кордула взволнованно думает о родителях. Ее мама в экономической зависимости, конечно, не находится, у нее есть профессия, и она, сколько Кордула себя помнит, всегда работала. Но все-таки мама живет как-то... на заднем плане, что ли. За спиной отца. Или мама сама себя отодвигает назад? Но ведь факт остается фактом: папы часто нет дома, а мама все свое свободное время дома. Папа ходит на стадион или в клуб. Это его радости. Папа часто говорит, что мама могла бы сходить в гости к подруге или даже пойти с ним на футбол. А мама всегда отвечает, что у нее нету времени, ей еще надо стирать или гладить. Но дело ведь не так обстоит, что мама одна должна тянуть все хозяйство. У папы тоже есть твердые обязанности, как и у Кордулы. Но, может быть, он свои обязанности быстрее выполняет? А мама слишком возится? Разве мама не хочет все всегда сделать отлично? И действует этим Кордуле на нервы: «Что скажет отец, когда увидит твои вещи разбросанными?» И вообще, ее нерешительность, это вечное «об-этом-мы-сначала-должны-спросить-папу». Почему папа должен всегда все решать? Например, сколько времени я могу быть в дискотеке, думает Кордула яростно. Или когда мама не выносит Кордулиного упрямства. «Я расскажу папе»,— говорит она. Отец — высшая инстанция! Это что, папа всегда таким был? Или мама его таким сделала? И еще кое-что внезапно приходит в голову Кордуле: странно, но она никогда не слыхала, чтобы папа сказал: «Я боюсь» или «Я не уверен». Она никогда не видела его подавленным или плачущим. А вот быть в плохом настроении — это он может, еще как. Мама тогда тихая как мышка. «Вести себя дипломатично» — вот как она это называет. Нет, так Кордула не хотела бы жить, ни в коем случае. Но не должна ли она прямо сейчас перестать играть девчачью роль?

Мужское оружие

Йорг о будущем пока не думает. Поучения отца привели его к простому выводу: будь лучше девчонок — и все дела! Все равно как. Но только когда он сравнивает свое положение в классе с положением Уты, Кристины, Керстин и других девочек, то папина теория, которая, вообще-то говоря, дедушкина, об ограниченности женских способностей представляется ему весьма сомнительной. Но смотреть, как девчонки выигрывают гонку? Исключено! Рваться получить еще лучшие оценки, чем они? Это предприятие неясно чем кончится... Как же тогда ответить на девчачий вызов? Надо бить их мужским оружием, надо понравиться им дерзостью и силой! Тогда-то они поймут, что учеба не самое важное для того, кто хочет быть опытным и взрослым. Йорг ведь всегда там, где затевается какая-нибудь мальчишеская проделка. А девчонки? Большинство из них не решаются участвовать в этих проделках и озабочены только тем, чтобы взрослые о них хорошо думали.

Но Кордула не такая.

Только не размягчаться

Йорг влюбился в Кордулу, а она в него. И вот они первый раз вдвоем. Йорг излучает хладнокровие — самоуверенный хозяин положения. Это внешне. «Не размягчаться!» — приказывает он себе, когда у него при взгляде на симпатичную девушку начинают дрожать коленки. С оценивающим взглядом и самоуверенным жестом, то и дело вытягивая из пачки новую сигарету, он ожидает, пока Кордула растает от восхищения. Для него вне сомнений: его блистательное излучение способно растопить самый мощный ледовый панцирь. Кордула замечает, как она на него действует, хотя он изо всех сил скрывает это. Она счастлива, что нравится ему, но при этом ее злит его надменное поведение. Должна ли она сейчас подойти к Йоргу и попросту сказать, что он ей нравится? Но она знает от родителей: «Пусть мальчики вежливо за тобой ухаживают, сама же ни за кем не бегай!» Итак, это мужчина должен всегда начать. А женщина только ждет, когда придет ее суженый и объявит о своей любви. Она надеется, что он как-нибудь мило начнет говорить с ней, пусть он при этом даже будет робок и нерешителен...

Но он не может себе позволить при ней никакой слабости. Так он думает. Теперь-то и должно обнаружиться, кто здесь хозяин положения. Никакого стриптиза души, а стальные доспехи рыцаря.

В итоге: «Э, слышь, подруга, чего скажу! У меня сегодня хата свободная, можем провести отличный вечерок! Захочешь — и до утра останешься, обещаю!»

У Кордулы есть несколько возможностей реагировать на такое предложение.

Возможность первая. «Ну давай, а чего ждем-то? Ты какие там куришь? Не хочешь меня угостить, а?»

Возможность вторая. «Нет, сегодня я должна быть дома. Но, может быть, договоримся на субботний вечер? Посмотрим тогда, способен ли ты на что-то большее, чем изображать из себя взрослого».

Возможность третья. «Слушай, твое шоу никуда не годится. Поищи другую, которой нравятся типы вроде тебя!»

Женщина должна быть слабой

Итак, некоторые пытаются натянуть на себя традиционные представления о роли мужчины или женщины, будто это костюм, который мал. Другие же хотели бы скинуть

с себя этот костюм устаревшего покроя; теоретически они принимают новую, честную и справедливую мораль нашего общества, но, когда доходит до дела, они не уверены, подойдет ли им новый покрой. Вот так и вышло у Йорга с Кордулой.

Мы рассказали, как наигранно грубо Йорг разговаривал с Кордулой, и предложили три варианта ее ответной реакции. Редакция получила много писем, в которых читатели анализируют причины того, почему наши герои вели себя так, а не иначе, выдвигают свой вариант, как надо было бы поступить. А суть тут вот в чем: Йорг хочет выглядеть перед Кордулой мужчиной. Голос отца звучит у него в ушах: «Пусть девочки видят, что ты мужчина!» Но Йорг еще неопытен в таких делах. Вообще-то ему вполне хватило бы для начала нескольких ласковых слов и безобидных нежностей. Но ведь этим же не завоюешь женщину! (думает он). Ему и самому неприятно, когда он отваживается на слова: «Э, слышь, подруга...»

Супермены не нужны!

Йорг испытал бы облегчение, если бы Кордула отказалась ехать с ним. Но отказом она только отсрочила бы час испытания. И когда этот час придет, должен ли он будет считать ее отпор оскорбительным для своего мужского достоинства?

В Кордуле нет ни чопорности, ни жеманства. Если бы Йорг показал, как нежно и сдержанно относится к ней, она бы сама сделала шаг навстречу. Вполне может быть, тогда она позволила бы ему то, что иначе ни при каких обстоятельствах не разрешила бы. Но она не желает, чтобы он смотрел на нее как на объект, на котором он может испробовать свои мужские чары! В самонадеянном тоне Йорга не было и капли уважения к ней! Потому она отказала ему.

Если бы Йорг знал: Кордуле совсем не нужно, чтобы он выглядел суперменом! Если бы Кордула знала, сколько неопытности и смущения кроется за вызывающим поведением Йорга! Тогда, может быть, она не оттолкнула бы его, а постаралась воспитать. Ведь она считает: нет ничего прекрасней в жизни, чем вдвоем продвигаться все дальше и дальше в любви. Но уважая чувства друг друга! Но она не уверена в себе. Хотя она влюблена в Йорга, она никогда бы не осмелилась первой заговорить с ним или пригласить его куда-нибудь. «Так девушка не поступает!» — всегда говорила ей мама. Поэтому она ждала, чтобы первый шаг сделал Йорг, и разочарована оттого, что он оказался таким неотесанным. С чего это он так уверен, что я пойду за ним, как глупая овца? (думает она). А вот если я не пойду, он, по крайней мере, будет знать: мало просто поманить меня пальцем. Но все-таки Кордула сомневается: а не должна ли была она подчиниться ему, если не хочет его потерять?

Подчиняться или нет?

Конечно, любящие люди уважают чувства и желания друг друга. Но полностью подчиниться чьей-то воле — это противоречит честным и равноправным отношениям. Потому что таким образом человек унижает сам себя. Ведь секс не только «от природы данное», но и «культурно воспитанное». Если парень грозит: «Или ты пойдешь со мной, или я тебя брошу!», то это точный признак — ничего серьезного к девушке он не испытывает.

Но почему же Кордула не могла первой заговорить с Йоргом и сказать ему, что он ей нравится? Может быть, неосознанно она хочет предоставить ему возможность быть соблазнителем? Или боится услышать обидное прозвище? Вряд ли. Скорее она думает, что равноправие совсем не значит, что женщины должны вести себя так же, как мужчины...

Быть равноправными не значит быть похожими

В истории есть много примеров, когда женщины пытались перенять мужские привычки или овладеть теми символами, которые издавна считались мужскими. Сегодня уже никого не удивит, если девушка пойдет вместе с парнями в кафе или наденет брюки. Но все-таки скажем прямо: если девушки некритично (и даже с вредом для здоровья) перенимают мужские привычки — это не имеет никакого отношения к равноправию. Равноправие не значит, что мужчины и женщины должны вести себя одинаково.

А что же тогда значит равноправие?

«Нойес лебен» взял интервью у профессора Герхарда Мисгельда. Он заведует кафедрой истории современной медицины в институте истории медицины, в университете имени Гумбольдта.

— Что вы понимаете под «равноправием мужчины и женщины»?

— Равноправие юношей и девушек, мужчин и женщин означает, что общество предоставляет всем своим членам равные шансы для развития, что и мужчины и женщины имеют равное право на успех в жизни.

— Как вы оцениваете в таком случае те различия, которые есть в воспитании мальчиков и девочек?

— Подобные различия сейчас встречаются все реже и реже. Мальчики и девочки живут бок о бок в семьях, в яслях, в детских садах и в школах. К ним предъявляют одни и те же требования, и они приобретают один и тот же опыт. Таким образом, в важнейших социально-психологических характеристиках мальчики и девочки сближаются

— Будут ли в дальнейшем полностью стерты психологические различия между мальчиками и девочками, мужчинами и женщинами?

— Не надо путать равноправие со схожестью. Мальчики и девочки, мужчины и женщины не похожи друг на друга. Было бы ошибкой отрицать различия в психологическом облике мужчин и женщин, в их чувствах. Именно несходство вызывает притяжение мужчин и женщин друг к другу.

— Во многих (особенно молодых) семьях муж помогает жене вести хозяйство. Является ли это примером равноправия?

— Безусловно. Равноправие предполагает, что люди помогают друг другу. При этом мужчине приходится исполнять некоторые обязанности, которые всегда считались «женскими». Но само представление о том, что он должен «помогать» женщине в домашних обязанностях, неправильно, ибо исходит из того, что вести хозяйство — женское дело. Забота о доме и детях — дело в равной степени мужское и женское.

Каникулы вдвоем

А вот еще одна ситуация, в которую попали Кордула и Йорг. Как бы вы тут поступили?

Кордуле и Йоргу по 17 лет. Летом они хотят вместе поехать путешествовать и жить в палатке. Но Кордула не отваживается рассказать родителям о своих планах. До сих пор ей не разрешалось приходить из дискотеки позже десяти вечера. А переночевать у друга — об этом и говорить не стоило! Что же делать Кордуле?

Возможность первая. Объяснить Йоргу, что у них не получится провести каникулы вдвоем.

Возможность вторая. Попросить Йорга поддержать ее во время разговора с родителями

Возможность третья. Поставить родителей перед выбором: «Или вы разрешаете мне ехать с Йоргом, или я собираю вещи и ухожу к нему!»

Возможность четвертая. Сказать родителям, что она едет с подругой. Они все равно не узнают.

Окончание в № 10

Перевел с немецкого А. АНИН

В крик стена превратилась

Алла ГРАЧЕВА

Его родиной была Мексика, «страна орла, змеи и кактуса, изображенных на ее гербе, страна цветов и колючек, засух и ураганов, сочных красок и нежных мелодий, страна вулканов и удивительного творческого взлета» — так писал о ней Пабло Неруда.

Его родиной была Мексика — и весь мир, ибо великий интернационалист Давид Альфаро Сикейрос, художник и борец, был истинным гражданином земли. Его искусство, грандиозное по размаху, плоды его кипучей деятельности, события бурной жизни, которых хватило бы на десяток судеб, не укладываются в рамки одной страны.

17-летний Давид сражался в армии мексиканской революции.

В 41 год Сикейрос, отложив кисть, воевал в интербригаде в Испании.

Ему было 60, когда он просил президента Насера принять его добровольцем, чтобы защищать Египет от английской агрессии [1].

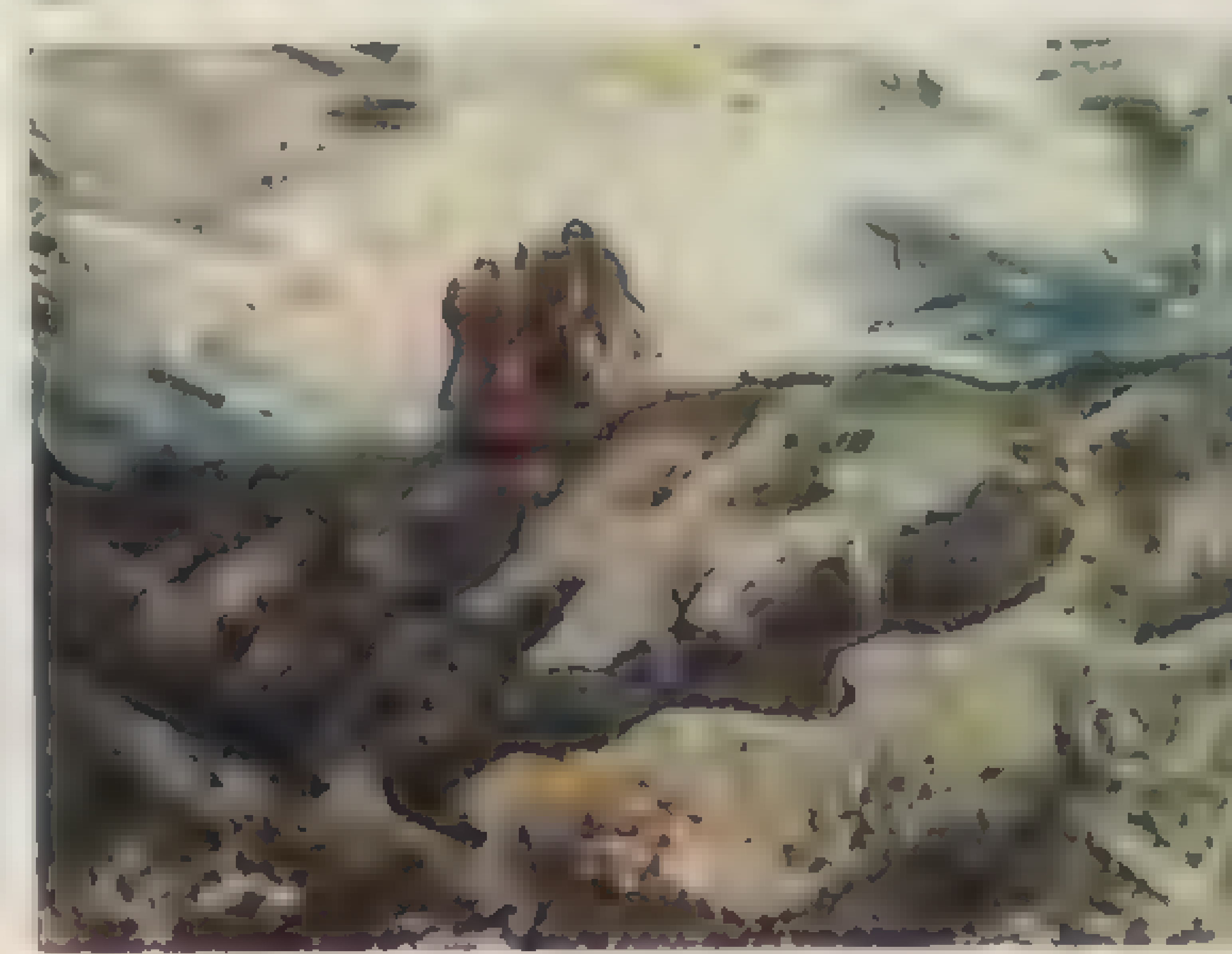
70-летний Сикейрос передал денежную часть присужденной ему Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» в помощь сражавшемуся Вьетнаму, сожалея, что не может поехать туда боевым офицером.

Один из самых знаменитых художников XX века, он был и самым преследуемым. С ранней юности и до последнего часа Сикейрос оставался коммунистом-борцом, хотя это угрожало его свободе и даже жизни.

Его арестовывали по меньшей мере 40 раз, и он сидел за решеткой в США, Аргентине, Уругвае, Чили, дореволюционной Кубе и других странах «свободного» мира. Тюрьмы отняли у него около восьми лет творческой жизни, из них шесть — в его собственной стране.

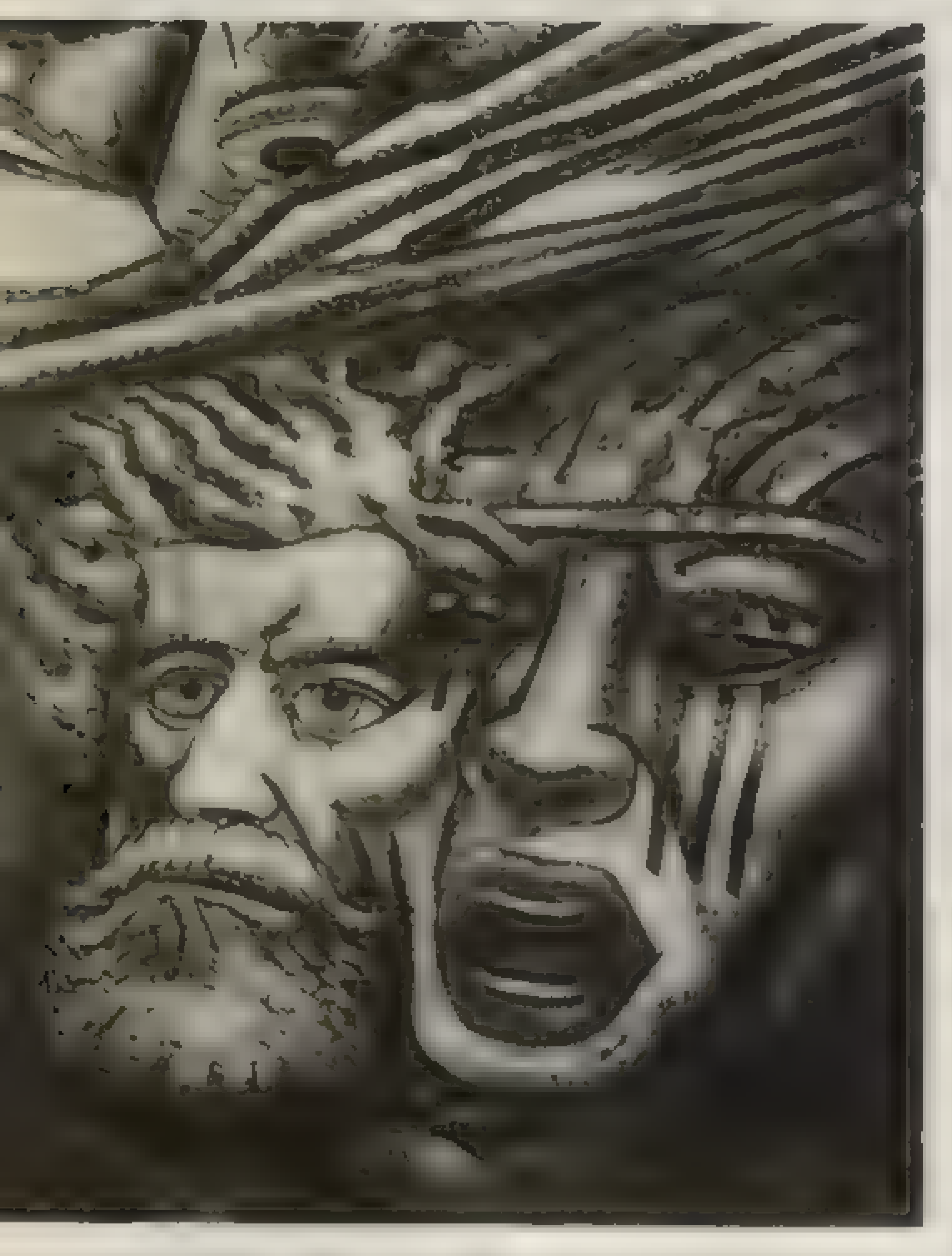
Сикейрос прожил 78 лет. «Он познал все: славу и гонения, ненависть и любовь, верность и предательство, тюрьмы и награды... В Мексике, которую он страстно любил, он был попеременно героем и злодеем, на которого с одинаковой щедростью сыпались как знаки высшего внимания — премии, посты, ордена, так и проклятия, угрозы, покушения и судебные приговоры...»

Он похоронен в Пантеоне выдающихся мексиканцев. В

[1] *1910—1917 годы — буржуазно-демократическая революция в Мексике; 1936—1939 годы — гражданская война в Испании, развязанная генералом Франко; 1956 год — англо-франко-израильская агрессия против Египта.— Здесь и далее прим. ред.*

БИОГРАФИЯ ШЕДЕВРОВ

день его смерти президент Мексики заявил: «Нация пострадала от потери гражданина Давида Альфаро Сикейроса!»

Это была потеря для всего мира, для искусства, которому он преданно служил, для революции, чьим истинным рыцарем он был всю жизнь.

«Мне повезло с рождением,— говорил Сикейрос.— Я родился в стране древней индейской культуры, которой были известны секреты настенной фресковой живописи. Эту культуру разрушили конкистадоры. Мексиканцы, порабощенные завоевателями, вели борьбу за свободу. Вся наша современная история — продолжение этой борьбы».

В 60-х годах XIX века в республиканской армии, изгнавшей французских интервентов из Мексики, воевал дед Сикейроса полковник дон Антонио, прозванный за отвагу Семь Ножей. Хосе Давид — так нарекли Сикейроса при рождении,— в три года лишившийся матери, рос в поместье своего героического деда. Дон Антонио был для Хосе воплощением мужества и патриотизма. Мальчик рос в атмосфере, где идеалом мужчины считался бесстрашный наездник, искусный стрелок, искатель приключений, презирающий страх и слабость. Иногда дед, приказав Хосе спрятаться за большим камнем, палил по нему из пистолета, приучая его не бояться выстрелов.

Отец Сикейроса дон Сиприано, ревностный католик, определил сына в католический колледж, который после вольной жизни на ранчо у деда показался Хосе тюрьмой. Монахи обратили внимание на его способности: в 11 лет он воспроизвел по памяти масляной краской одну из мадонн Рафаэля. Отец поспешил нанять ему учителя рисования. Уже студентом Национальной подготовительной школы Хосе выиграл конкурс рисунков, посвященный русской балерине Анне Павловой, выступавшей в то время в Мехико. Павлова сама вручила юному художнику премию перед началом своего спектакля.

С детства в нем сказывался огненный темперамент деда. В колледже Хосе отказался от исповеди, что означало разрыв с церковью. В 15 лет, как один из зачинщиков студенческой политической забастовки, Сикейрос, оказался за решеткой. Это был первый арест в нескончаемой цепи его арестов. «Я был своего рода чемпионом по метанию камней в конную полицию,— вспоминал он много лет спустя.— Какие же цели преследовала наша забастовка? Мы хотели покончить с затхлой академической рутиной, господствовавшей в школе... Но в то же время мы добивались национализации железных дорог. Над нами хохотала вся Мексика... «Нет, посмотрите-ка, что эти желторотые анархистики забрали себе в голову! Да какое отношение, черт побери, имеет искусство к национализации железных дорог?!» ...Именно в тот день мы родились как художники, сознающие теснейшую связь искусства с жизнью своей страны и народа».

Дон Сиприано, консервативный адвокат, имевший среди своих клиентов богатых латифундистов, был сторонником диктатуры Порфирио Диаса[2]. Его сын, воспитанный дедом в свободолюбивых традициях, ненавидел президента-тирана и мечтал о социальном равенстве. Однажды в присутствии богатых гостей Хосе громогласно заявил, что все помещики — банда мошенников. Отец потребовал извинений, Сикейрос отказался и ушел из дома, в запале перебив все окна камнями. В семью он больше не вернулся. Ему было тогда 15 лет.

После свержения генерала Диаса и короткого периода демократизации в стране произошел государственный переворот, были убиты тысячи людей, и узурпатор генерал Уэрта вновь установил диктатуру. В Мексике началась гражданская война. Народные армии Эмилиано Сапаты и Панчо Вильи собирали под свои знамена добровольцев. В один из отрядов вступил рядовым 17-летний Сикейрос. «Что нам, студентам живописи, оставалось делать? Закрыть глаза на действительность и спорить о проблемах вибрации света?! Мы не могли позволить, чтобы первая попытка демократизировать нашу жизнь была безнаказанно подавлена!»

Их батальон в шутку называли «Мама»: так молоды были все его бойцы. Хосе, однако, воевал как бывалый солдат — чувствовалась школа деда Семь Ножей. К концу гражданской войны он был уже капитаном. «Мексиканская революция пробивала себе дорогу в затяжных, изнурительных боях. Мы вышли из горнила войны другими людьми, художниками нового типа». «Географию родного края мы узнали из военных походов. Мы узнали, что в Мексике сохранились замечательные традиции доиспанской художественной культуры, столь же плодотворные, как и наследие античной Гре-

[2] 1876—1911 годы клерикально-помещичьей диктатуры Порфирио Диаса; в 1913 году при поддержке империалистических кругов США был осуществлен контрреволюционный переворот и установлена диктатура Уэрты

ции, Египта и Древнего Китая. Мы открыли и нечто другое — богатейшие сокровища народного искусства... и самое главное — мы узнали людей своей родины в час, когда человек сражается за правое дело».

Гражданская война завершилась в 1917 году, в год Октябрьской революции, которую восторженно принял Сикейрос. Едва сняв военную форму, молодой офицер отправился в Европу с жадным стремлением все увидеть, все понять и осмыслить в водовороте художественной жизни с центром в Париже, где сталкивались противоречивые течения, бурлили нестихающие дискуссии, зарождались вихри новых концепций современного искусства. Надежным лоцманом в этой стихии стал для Сикейроса старый парижанин — мексиканский художник Диего Ривера. В течение двух лет они встречались почти ежедневно. «Париж только что пережил период бурного увлечения кубизмом, появлялись новые течения: фовизм, дадаизм,— вспоминал Сикейрос.— Все они ставили во главу угла формальный поиск. А мы жили мыслью о своей Мексике, мечтали помочь революции. Наш путь был иным, совсем иным».

«Чтобы остаться самим собой,— говорил Сикейрос,— надо быть верным родившей тебя земле». В 1922 году он возвратился в Мексику, где сразу же включился в работу: вместе с Диего Риверой и Хосе Клименте Ороско — их назовут потом «Великой тройкой» — они расписывали здание Национальной подготовительной школы сценами из истории Мексики. «Мы поделили стены, как делят кусок хлеба, и работа закипела». То, что они были новичками в монументальной живописи, сказывалось во всем, и прежде всего в тематике росписей: Ривера писал фреску в византийском стиле, изображая символы вечности, музыки, танца, Ороско — мадонну с ангелами в манере Боттичелли, Сикейрос — стихии: воду, огонь, ветер. В мире современной живописи не было никого, кто мог бы протянуть им руку помощи, кто мог бы сказать: «Это следует делать так, а то — вот так».

Шли бесконечные споры, что писать, какими красками. Перед художниками-пионерами открывались необозримые, неизведанные пространства нового искусства — мурализма. Они ошибались, сбивались с пути, но продвигались вперед с упрямой самоуверенностью молодости, с непреклонностью первопроходцев. Путь оказался опасным — им пришлось взяться за оружие. Создание Синдиката художников во главе с Сикейросом, выпуск боевой газеты «Мачете», революционное содержание их фресок вызвали злобную травлю со стороны реакционеров, потребовавших прекратить «недостойную мазню». Фашиствующие молодчики ворвались в здание школы и уничтожили многие росписи Ороско и почти весь цикл Сикейроса «Земля и Свобода». Художники и рабочие выстрелами разогнали беснующуюся толпу. С оружием в руках они несли круглосуточную вахту. Сикейрос многие годы спустя еще помнил боль в костяшках пальцев от страшной трепки, которую он задал одному из покушавшихся на их фрески, «на этих несчастных новорожденных детей».

На помощь художникам пришел отряд солдат-индейцев, чтобы защитить революционное искусство. Напуганное правительство поспешило прекратить росписи. «Нас с Сикейросом вышвырнули на улицу, как бешеных собак», писал Ороско. Но разве запреты властей могли прервать развитие монументальной живописи, которую уже тогда называли «мексиканским Возрождением»?!

Работа художников-муралистов грозила в ту пору не только гонениями, она была попросту небезопасна. Леса возводили на скорую руку. Однажды Сикейрос упал с 7-метровой высоты, запутался в проводах высокого напряжения и лишь по счастливой случайности не разбился. Месяц он провел в больнице. Но их ничто не могло остановить. «Я смешивал мои политические мечты,— вспоминал Сикейрос,— с космогоническими идеями, без конца писал по-детски задиристые манифесты... был убежден, что наша группа художников — членов Синдиката — являлась приводным ремнем социальной революции. Я был агитатором, лидером, политиком, что, впрочем, не помешало мне нарисовать ангела с крыльями на потолке подготовительной школы. Следует ли удивляться, что мы обратились в Коминтерн с просьбой принять наш Синдикат в качестве его секции. Разумеется, там посчитали наше предложение несерьезным. Но путь в компартию мы все-таки нашли: в 1924 году мы все единодушно вошли в ее ряды».

Вскоре Сикейрос становится членом ЦК Мексиканской компартии, рабочим вожаком, оратором, пропагандистом. Он совершенно забросил живопись. Теперь реакционная печать именует его не иначе как «агентом Москвы», «предателем мексиканской революции». Его многократно арестовывает полиция, в него стреляют из-за угла. В 1927 году во главе мексиканской делегации рабочих Сикейрос приезжает в Москву — сбылась его давняя мечта. На военном параде на Красной площади он восторженно кричит по-русски: «Да здравствует Красная Армия!»

Для мексиканских властей Сикейрос — враг «номер один». После первомайской демонстрации в 1930 году в Мехико, которую он возглавил, художника бросили в тюрьму, где без предъявления обвинения продержали почти год, а затем выслали в небольшой городок Таско. Это была ссылка на неопределенный срок. Здесь он вернулся к живописи. Работая по 13—14 часов в сутки, Сикейрос создал за год жизни в Таско около 100 полотен.

В Таско его посетил кинорежиссер Сергей Эйзенштейн, снимавший тогда фильм «Вива, Мексика!». Ему близки были поиски мексиканских муралистов, недаром каждую из киноновелл своего фильма он посвятил художникам: Посаде, Ривере, Ороско, Сикейросу. Революционный пафос роднил их фрески и фильмы Эйзенштейна, первого монументалиста в мировом кино.

«Сикейрос наносит удар кистью с беспощадной уверенностью парового молота в интересах конечной цели, которую он никогда не упускает из виду»,— написал Сергей Эйзенштейн в книге отзывов на выставке Сикейроса в 1932 году в Мехико. Эта выставка имела шумный успех в Мексике и США. Один американский критик назвал художника «Эйзенштейном живописи».

Слава Сикейроса встревожила мексиканские власти. Ему пришлось уехать в США, где работали Ривера и Ороско. В заказах здесь недостатка не было, однако законченные фрески зачастую закрывали для обозрения либо вовсе уничтожали: они были вызывающе революционны для самой «демократической» страны Америки. Так обошлись с фреской Ороско — ее запрятали под слоем штукатурки. Так уничтожили роспись Риверы в Рокфеллеровском центре: на ней художник изобразил Ленина, соединяющего руки пролетариев всех стран, парад на Красной площади, разгон демонстрантов американскими полицейскими. Та же участь постигла и фреску Сикейроса на стене художественного училища под названием «Митинг на улице». На него ополчились все американские расисты, еще бы, он осмелился изобразить черных, стоящих рядом с белыми!

Владелец художественной галереи в Лос-Анджелесе заказал Сикейросу роспись на тему «Тропическая Америка», которая, по его представлению, была райским уголком. Он не предполагал увидеть на фреске индейца, распятого на кресте, на котором сверху восседал орел, точно такой же, как на американском долларе.

Разумеется, было бы легче выбрать какой-нибудь безобидный сюжет и спокойно получить высокий гонорар. «И тогда какой бы великий бред я там ни намалевал, фреску не уничтожили бы,— писал Сикейрос.— Но для нас главное заключалось в том, чтобы создать вопреки всем препятствиям новую фресковую живопись, созвучную борьбе современного пролетариата».

В США художнику впервые пришлось расписывать наружные стены зданий, притом бетонные, для которых традиционная фресковая техника

не годилась. Пришлось изобретать новые материалы для монументальной живописи: специальный грунт, новые краски, достаточно прочные, чтобы не разрушались под солнцем и дождем; аэрограф, заменивший кисть, это исконное оружие живописца. Сикейрос «обстреливал» стены своего рода воздушным пистолетом, который применяли для окрашивания машин, станков и мебели. Он создал в Нью-Йорке экспериментальную мастерскую, «не уютную мастерскую, пригодную лишь на то, чтобы варить в ней яйца к завтраку, а настоящую лабораторию, где приходилось иметь дело с громадными проблемами, где решались творческие вопросы невиданного доселе масштаба».

Вскоре Сикейроса выслали из «свободной» Америки, как нежелательного иностранца. Ему пришлось скитаться по континенту, он кочевал по Уругваю, Аргентине и другим странам, пока наконец не вернулся в Мексику. Разумеется, он тут же включился в политическую жизнь. В 1934 году Сикейрос основал «Лигу против фашизма и войны», написал первые в мире антифашистские полотна: «Рождение фашизма» и «Никогда больше», где изобразил чудовище с головами Гитлера и Муссолини, символ войны — противогаз и монстра со скипетром и свастикой. Художник предвидел будущую трагедию, прологом которой стала Испания.

В январе 1937 года, в тяжелый для республики момент, когда Мадрид был осажден, Сикейрос приехал в Испанию. Полковник республиканской армии, он командовал дивизией в 16 тысяч человек, участвовал в кровопролитных боях в районе Толедо. Два года он воевал в интербригаде. Настал день, когда ему пришлось покинуть Испанию. Из трехсот мексиканских добровольцев в живых осталось 59.

Картины, которые Сикейрос пишет после Испании, воспринимаются как реквием по республике и предвещают еще более трагические события. Мир на пороге мировой войны, поджог рейхстага, концлагеря, шеренги марширующих фашистов, груды золота вперемежку с трупами изобразил художник в своей новой росписи, получившей название «Портрет буржуазии». Это была первая фреска, созданная на родине после 15-летнего перерыва. Синдикат электриков, заказавший роспись, остался недоволен ее «коммунистическим характером». Закончить работу не удалось, так как последовал очередной приказ об аресте Сикейроса и высылке его из страны.

На этот раз художник отправился в Чили, где ему предложили расписать стены библиотеки в Чильяне — дар Мексики чилийскому народу. Положение Сикейроса здесь мало чем отличалось от обычной ссылки под надзор полиции. И хотя ни ему, ни его помощникам не платили ни гроша, в Чильян к Сикейросу устремились художники разных стран. Целая интернациональная бригада в течение года занималась росписью библиотеки. Фреска называлась «Смерть захватчику» и изображала две исторические эпопеи — ацтеков и арауканов, когда эти два свободолюбивых народа сражались против испанских воинов, закованных в железо и сеявших разрушения и смерть. «Какой урок истории преподал нам Сикейрос на этих стенах!» — воскликнул посол Мексики на торжественном открытии фрески в Чильяне. Это «единственное произведение живописи, которое навечно прославит Чили» — так назвал роспись Пабло Неруда,— было варварски уничтожено по приказу диктатора Пиночета в 1975 году.

Закончив работу в Чили, Сикейрос начинает турне по странам Латинской Америки, оставляя в каждой из них частицу своего искусства. Его называют Симоном Боливаром[3] живописи. В 1944 году он наконец возвращается на родину под аккомпанемент проклятий реакционной печати. Это его не смущает. «В живописи, как вообще в искусстве,— говорил художник,— каждый шаг вперед дается с боя, за него нужно платить кровью. Злобный вой моих противников мне дороже похвал! Раз реакция меня ненавидит, значит, я на правильном пути!» Не имея заказов, он в нетерпении принимается за роспись вестибюля жилого дома.

1950 год начался для Сикейроса триумфом: на международной выставке в Венеции он был удостоен второй премии (первую получил Анри Матисс). После этого успеха правительства многих стран предложили художнику заказы на монументальную роспись зданий. Среди них был даже Ватикан, для которого Сикейрос изобразил Христа, написав на полотне: «Христианин, что ты сделал с Христом за две тысячи лет веры в его учение?!»

У себя на родине он начал в 1957 году большую роспись для исторического музея во дворце Чапультепек, который украшали Ривера и другие мексиканские художники. Сикейрос работал с воодушевлением, намереваясь сдать фреску ко дню мексиканской революции. Ему не дали завершить работу: бросили в тюрьму, обвинив в организации забастовки, закончившейся кровопролитным столкновением демонстрантов с полицией. И хотя художник не имел к забастовке никакого отношения, его обвинили в подстрекательстве к мятежу и приговорили к восьми годам заключения. Власти не могли простить ему непримиримой революционности, которой пронизаны все его росписи «Не ждите от меня смирения! Инквизиция правительства не должна проникать в храм искусства!» — это было его кредо

В крошечной клетушке, где негде было повернуться и нечем дышать, художник создал более 400 полотен. Он и в тюрьме продолжал бороться. Вместе с другими заключенными он объявил голодовку, добившись освобождения 10 своих товарищей.

В защиту Сикейроса выступили ООН и ЮНЕСКО. Протесты правительству Мексики хлынули со всего мира. Пабло Неруда выпустил плакат со стихами:

Искусство твое,
как пламя
Нельзя засадить
за решетку!

В конце концов власти вынуждены были выпустить Сикейроса. Они отняли у него четыре года жизни.

Он вырвался из клетки в бескрайний солнечный мир, увидел торжествующую синеву неба и сотни друзей, встречавших его у тюрьмы, и воскликнул: «Мы победили и будем продолжать борьбу!» Ему исполнилось 68 лет, но с каким юношеским пылом он бросился в работу, по которой так стосковался! Он трудился по 18 часов в сутки, не зная усталости. Ему еще надо было завершить росписи во дворце Чапультепек и создать главное достижение своей жизни — «Полифорум». После открытия фрески в историческом музее художнику была присуждена высшая награда страны — Национальная премия искусств. Ее денежную часть — 100 тысяч песо — Сикейрос передал в фонд помощи арестованным вместе с ним товарищам, все еще томившимся в тюрьме.

«Полифорум» — здание конгрессов международных промышленных синдикатов, двенадцатиугольник, все грани которого покрыты росписями. Это самая громадная фреска в мире, объемом в 8,5 тысячи квадратных метров.

Вот как выглядит «Полифорум» по словам Бориса Полевого: «Сотни фигур — и ни одной в состоянии покоя... Я оказываюсь окруженным всеми страстями человеческими: ужасом, торжеством, радостью, горем — и все это несется из седой древности в нашу космическую эпоху ракет и луноходов... Человечество движется в этом непрерывном потоке через кровь войн, через крах надежд к освобождению. Вся борьба страстей воспринимается как апофеоз человеческой силы». На «Полифоруме» изображена красная звезда — символ Страны Советов.

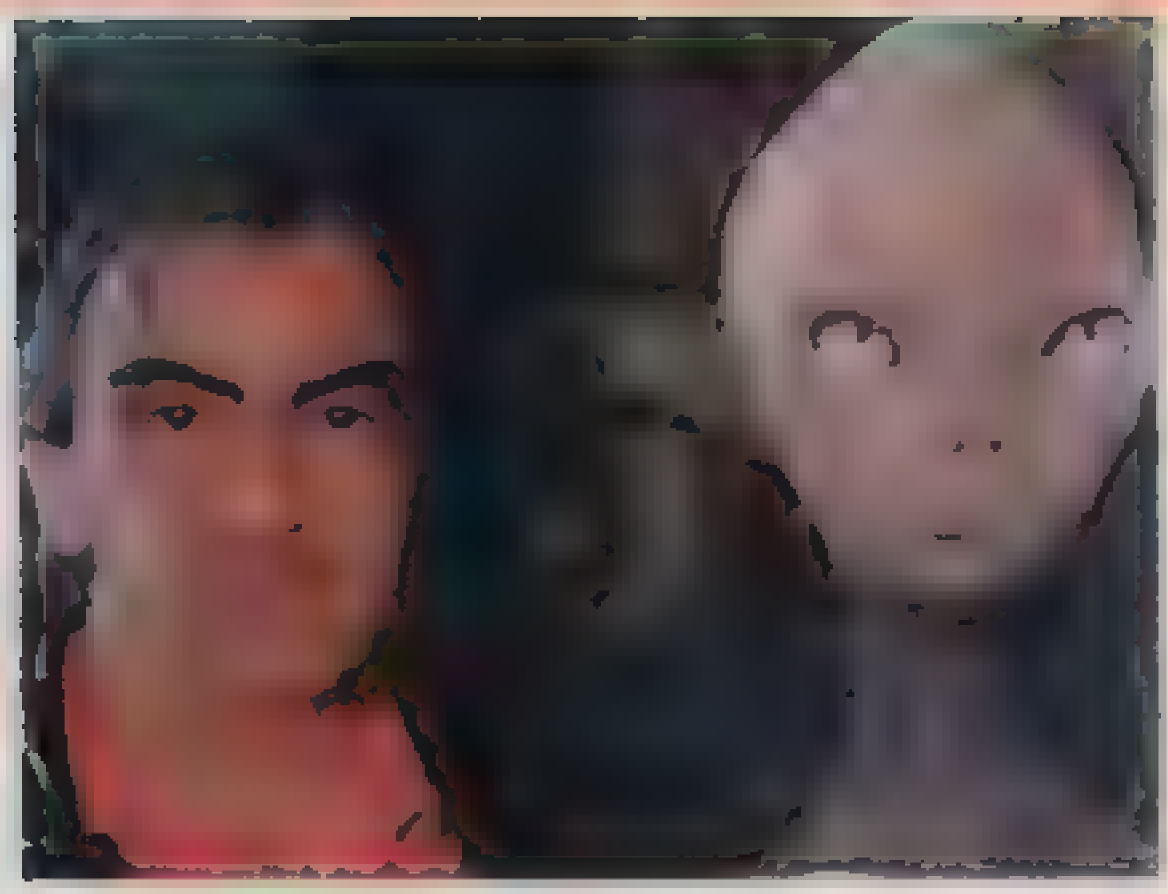
В Москву Сикейрос приехал в последний раз в 1973 году, уже тяжело больным. Он отказывался лечиться, отшучивался: «Когда болеешь несерьезно — врачи не нужны, когда серьезно — они не помогут». На прощанье сказал своим друзьям по-русски: «До свидания. Да здравствует Красная Армия!»

Рафаэль Альберти написал о Сикейросе, великом мексиканском муралисте:

Его кисть
стала острым мачете,
выстрелом
стала краска,
стали
черта и рисунок
гневной плетью,
бичом разящим,
в крик
стена превратилась
и в кулак,
для удара сжатый

---

[3] *Борец за независимость испанских колоний в Южной Америке. В его честь названа Боливия.— Прим. авт.*

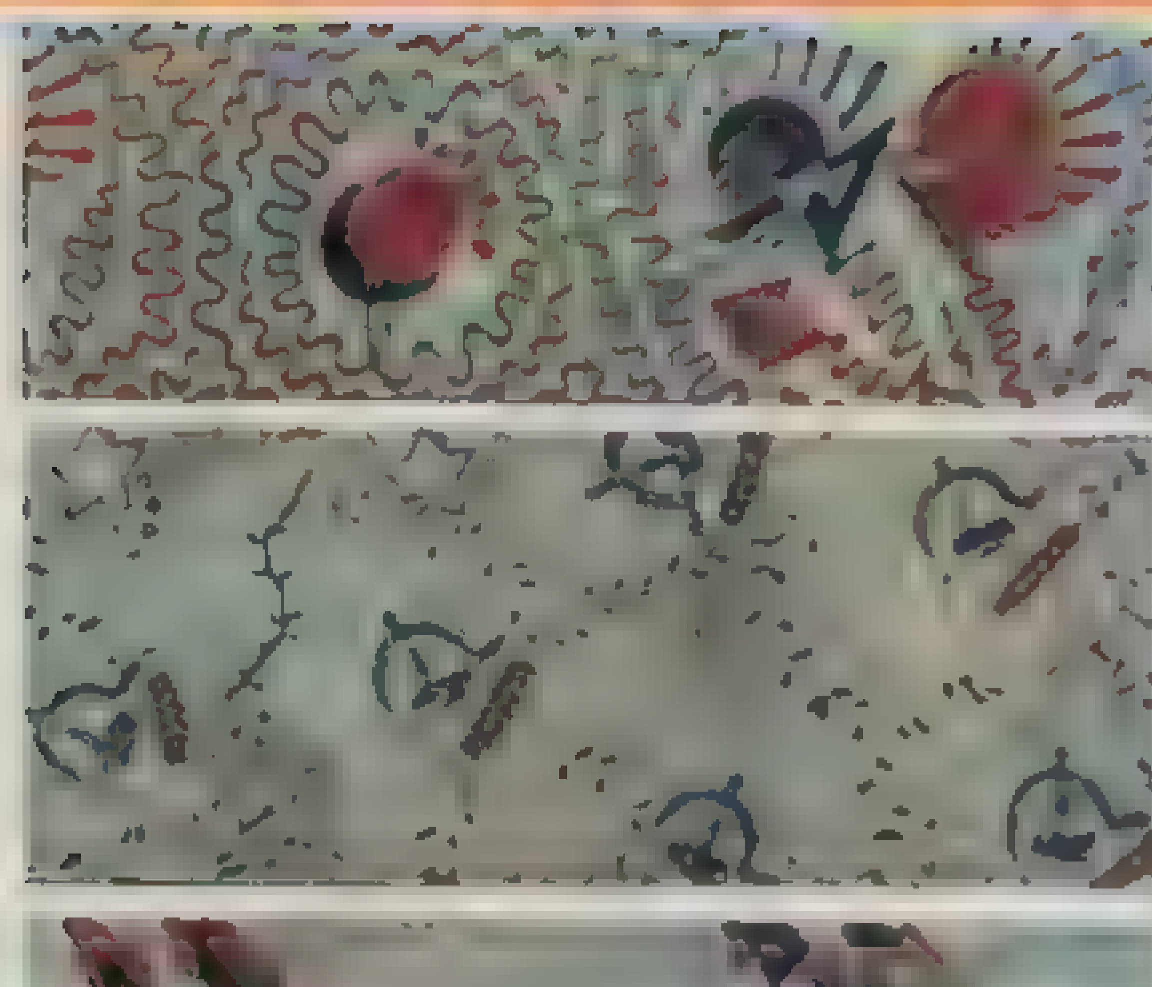
ЗНАЧИТ, ЭТО КОМУ-НИБУДЬ НУЖНО. На снимке вы видите очередную голливудскую кинозвезду — это напичканный электроникой пластиковый монстр. От «звезд» прежнего образца он отличается только внешне, а вообще такой же любитель скорострельного оружия и, дань времени, «звездных войн». И такой же собиратель престижных «Оскаров», которыми с непонятной щедростью его осыпает академия киноискусства США. За что! — значит, это кому-нибудь нужно...

УБИЙЦА № 1. Общественность ФРГ забила тревогу. Только в прошлом году на дорогах Западной Германии в автокатастрофах погибли 10 300 человек. С 1953 года общее число жертв дорожных аварий превысило пол-миллиона. Исследования показали, что причина большинства несчастных случаев одна — алкоголь. Общественность развернула кампанию за введение сухого закона на автострадах страны (по существующим в ФРГ законам, водителям разрешается употребление определенного количества спиртного), но тут в борьбу вступили фирмы, торгующие алкогольными напитками. Пока в печати идет перепалка, число автокатастроф растет, и каждый день на дорогах ФРГ, как утверждает статистика, жертвами алкоголя, «убийцы номер один» — по выражению журнала «Штерн», оказываются не менее 28 человек

ВСЕ ТА ЖЕ ТЯЖЕСТЬ. Редакция получает много писем, в которых читатели спрашивают, существует ли разница между терминами «хард рок» и «хэви мéтал»! Для ответа на этот вопрос стоит, пожалуй, вспомнить, что вначале был «белый блюз», волна которого захлестнула Англию в конце 60-х годов. Одним из наиболее заметных представителей этого направления был ансамбль «Крим». Затем «белый блюз» претерпел существенные изменения, связанные не только с чисто музыкальными новшествами, но и с «техническим перевооружением» популярной музыки: музыканты стремились полнее использовать возможности новой мощной звуковоспроизводящей аппаратуры. Музыка стала заметно жестче, поэтому новое направление так и нарекли: «хард рок» — «жесткий рок». В первой половине 70-х годов «хард рок» заполонил всю музыкальную сцену Запада, поэтому многим начинающим исполнителям стало казаться, будто именно «жесткость» гарантирует успех. Выяснилось, однако, что играть настоящий «хард рок» — дело не из легких. В результате возникли две ветви: с одной стороны, ветераны жанра, такие, как «Дип перпл», «Лед зеппелин», с другой — «легковесы» тяжелого рока, как метко окрестил их один музыковед. К ним можно отнести такие американские ансамбли, как «Стикс», «Форинер», «Джорни». Объединять все эти довольно разные коллективы в рамках одного стиля было бы неверным. Поэтому в середине 70-х годов возник новый термин: «хэви мéтал» — «тяжелый металл» — для обозначения той музыки, которую исполняли «Лед зеппелин» и другие ветераны. Это название было как нельзя более метким еще и по той причине, что в музыке «стариков» жесткость и в самом деле стала сочетаться с «тяжестью» (между прочим, у термина «хэви мéтал» есть еще одно значение — «тяжелые орудия», и применительно к жанру поп-музыки оно звучит довольно иронично). В настоящее время термин «хард рок» вышел из употребления, иногда, правда, так определяют «легковесов», но чаще их музыку называют «рок для стадионов» (от «хард рока» они взяли в основном мощную аппаратуру и пристрастие к концертам под открытым небом). «Хэви мéтал» также уже не так популярен, как 10—15 лет назад.

ТКАНЬ ВРЕМЕНИ — это могло быть не образом, а достаточно точным названием книги, которая недавно вышла на английском и итальянском языках, потому что эта книга рассказывает и показывает «Ткани русской революции» (таково ее точное название). Речь идет об обычных тканях — фланели, сатине, ситце, выпускавшихся советскими фабриками в 20-х и первой половине 30-х годов, о рисунках, их украшавших, выполненных видными советскими художниками. Серп и молот, красная звезда, демонстрация, трактор, электрификация, борьба с неграмотностью, пионеры, жилищное строительство, коллективизация — сюжеты этих рисунков. В них наша история и живые традиции. Живые настолько, что, будь ткани, майки, сумки украшены рисунками на сюжеты нашей сегодняшней действительности, они сразу зашагали бы в ногу с модой.

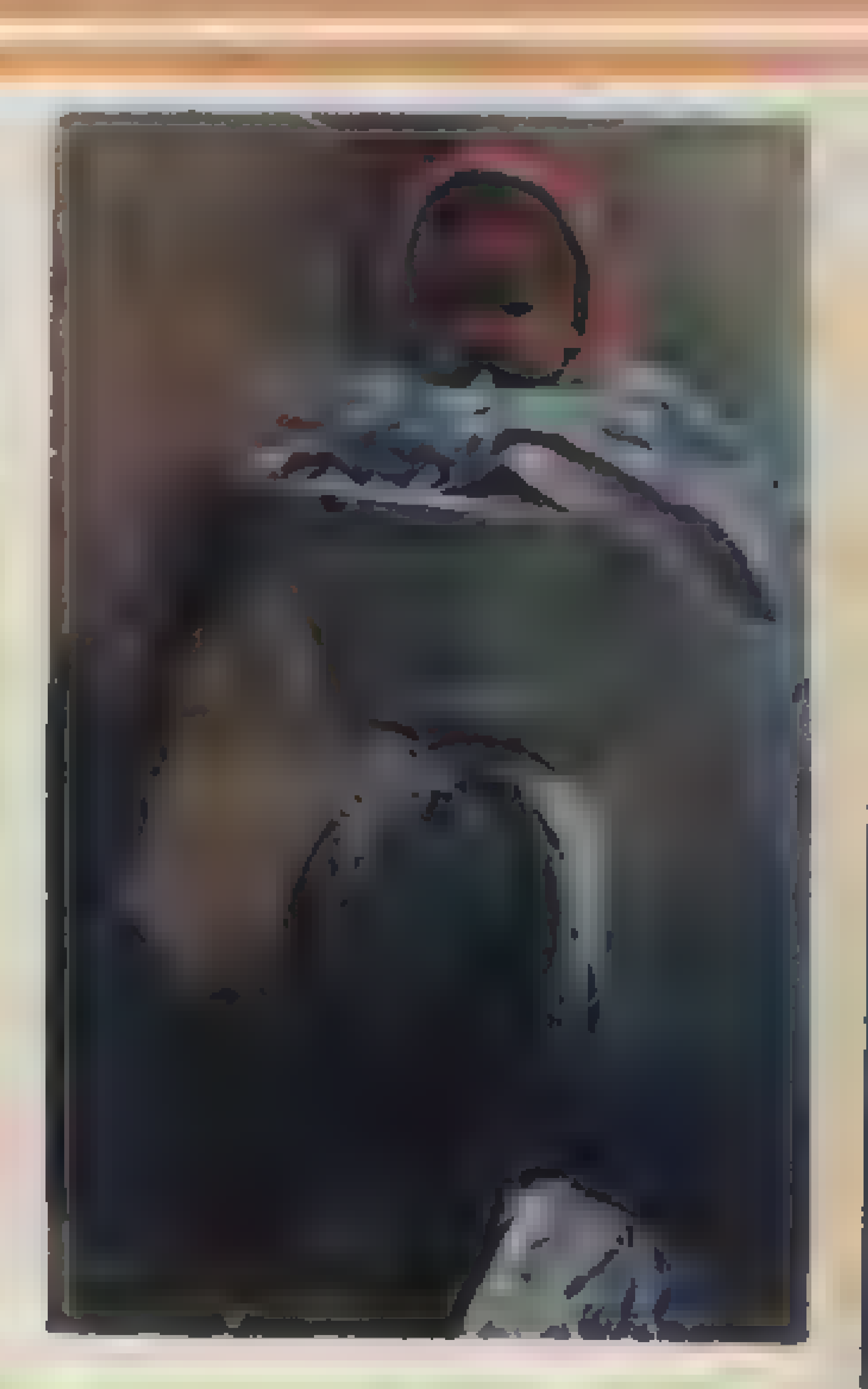
ГОЛЬ НА ВЫДУМКУ ХИТРА. Сначала их было двое, соединивших велосипед с коляской. Вскоре их стало больше двух десятков, поскольку велоколяска стала модной среди веселящихся богачей и нуждающихся студентов. Богачи, разумеется, стали пассажирами. Студенты Калифорнийского университета — велорикшами, подрабатывающими на жизнь и на оплату день ото дня дорожающей платы за обучение. Словом, новинка прижилась, хотя не такая уж и новинка: во многих странах Юго-Восточной Азии, где рикши некогда были самым распространенным транспортом, сейчас запрещено использовать мускульную силу человека для перевозки пассажиров. Это считается унизительным пережитком колониальных времен.

ПОТЕРЯННЫЙ И НАЙДЕННЫЙ. Вот странный вопрос: могут ли города находиться, теряться и снова находиться, как, скажем, зонтики! Оказывается, могут. Недавно в трехстах километрах от Лимы два американских археолога открыли остатки древнего города Патахена, процветавшего еще до возникновения империи инков, о чем и сообщили на пресс-конференции. Это была настоящая сенсация. Однако через какое-то время стали поступать сведения о том, что этот город уже был открыт 22 года назад и на его развалинах побывали археологи и фотокорреспонденты, что, между прочим, тоже стало тогда сенсацией. Такой вот сенсационный курьез. Специалисты по информатике говорят, что в наш век информации ее переизбыток вполне способен отправить «отшумевшую» новость в зону забвения, пока кто-нибудь не откроет ее заново.

С РУК НА ГОЛОВУ! Проблемы, проблемы... От них голова идет кругом у городских властей Большого Каира, разросшегося в последние 10 лет сверх всяких ожиданий — почти 12 миллионов жителей! Если учесть, что в столичных «народных», то есть бедных, кварталах проживает до 100 тысяч человек на квадратный километр, да добавить сюда машины, ослов, уток, куриц, верблюдов и все прочее, претендующее на жизненное пространство, то невольно по достоинству оценишь местный способ переноски любых грузов.

НЕВЕРОЯТНАЯ КРАЖА

Агата КРИСТИ,
английская писательница

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Рис. В. РЫЖОВА

Карлайл стоял возле сейфа и разбирал бумаги в папке.

Когда они вошли, он поднял глаза.

— Ну как, Карлайл, все готово?

— Да, лорд Мэйфилд, все бумаги на вашем письменном столе.

Это был внушительного вида письменный стол красного дерева, стоявший наискосок к окну. Лорд Мэйфилд подошел к нему и начал перебирать разложенные на нем листы.

— Прекрасный вечер,— сказал сэр Джордж.

Карлайл согласился.

— Да, действительно. Так быстро прояснилось после дождя.

Убрав папку, Карлайл спросил:

— Я вам еще понадоблюсь сегодня вечером, лорд Мэйфилд?

— Вряд ли, Карлайл. Я уберу все эти бумаги сам. Мы, наверное, засидимся допоздна. Можете идти спать.

— Благодарю вас. Спокойной ночи, лорд Мэйфилд. Спокойной ночи, сэр Джордж.

— Спокойной ночи, Карлайл.

Секретарь уже собирался покинуть кабинет, как вдруг лорд Мэйфилд сказал взволнованно:

— Минутку, Карлайл. Вы забыли самые важные бумаги.

— Что именно, лорд Мэйфилд?

— Чертеж нового узла бомбардировщика.

Секретарь посмотрел на него с изумлением.

— Он лежит сверху, сэр.

— Ничего подобного.

— Но я только что положил его туда.

— Посмотрите сами.

Растерявшись, молодой человек подошел к письменному столу, возле которого стоял лорд Мэйфилд.

Министр нетерпеливо показал на стопку бумаг. Карлайл просмотрел их, и лицо его стало еще более растерянным.

— Видите, его там нет.

Продолжение. Начало см в № 8 за 1985 год

Секретарь, заикаясь, проговорил:

— Но... но это невероятно. Я положил чертеж туда минуты три назад.

Лорд Мэйфилд сказал добродушно:

— Вы ошиблись, наверное, он еще в сейфе.

— Но этого не может быть — я знаю, что положил его сверху!

Лорд Мэйфилд отстранил Карлайла и подошел к сейфу. Сэр Джордж присоединился к ним. Понадобилось всего несколько минут, чтобы убедиться, что чертежа там нет.

Ошеломленные, не веря своим глазам, трое мужчин вернулись к письменному столу и еще раз просмотрели все бумаги.

— Боже мой! — воскликнул Мэйфилд.— Исчез!

— Но это невозможно! — пробормотал Карлайл.

— Кто заходил в эту комнату? — резко спросил министр.

— Никто. Абсолютно никто.

— Послушайте, Карлайл, чертеж не мог испариться. Кто-то его взял. Миссис Вандерлин сюда не заходила?

— Миссис Вандерлин? О нет, сэр.

— Могу это подтвердить,— сказал Каррингтон и втянул носом воздух.— Если бы она заходила, остался бы запах ее духов.

— Здесь никого не было,— настаивал Карлайл.— Ничего не могу понять.

— Послушайте, Карлайл,— сказал лорд Мэйфилд.— Возьмите себя в руки. Мы должны распутать эту историю. Вы совершенно уверены, что чертеж лежал в сейфе?

— Совершенно.

— Вы видели своими глазами? Может быть, вы просто считаете, что он лежал там среди других бумаг?

— Нет-нет, лорд Мэйфилд. Я видел. Я положил его поверх остальных бумаг на письменном столе.

— И с тех пор, вы говорите, никто не входил в комнату. А вы выходили из комнаты?

— Нет... вообще... да.

— А! — воскликнул сэр Джордж.— Вот видите!

Лорд Мэйфилд начал сердито:

— Какого дьявола...

Карлайл прервал его:

— При обычных условиях, лорд Мэйфилд, я, конечно, и не подумал бы выйти из комнаты, где лежат важные документы, но услышав крик женщины...

— Крик женщины? — переспросил лорд Мэйфилд удивленно.

— Да, лорд Мэйфилд. Я как раз раскладывал бумаги на столе, когда услышал крик, и, естественно, выбежал в холл

— Кто же кричал?

— Француженка — горничная миссис Вандерлин. Она стояла посреди лестницы, белая как мел, вся дрожала и казалась очень взволнованной. Она сказала, что видела привидение.

— Привидение?

— Да, высокую женщину в белом, которая молча парила в воздухе.

— Какая нелепая история!

— Именно, лорд Мэйфилд, так я ей и сказал. Должен заметить, что она, кажется, сама устыдилась. Она поднялась наверх, а я вернулся сюда.

— Как давно это было?

— За минуту или две перед тем, как вошли вы с сэром Джорджем.

— И сколько времени вы отсутствовали?

Секретарь задумался.

— Минуты две, самое большое — три.

— Вполне достаточно,— простонал лорд Мэйфилд. Внезапно он схватил своего друга за руку.

— Джордж, эта тень, которую я видел! Она кралась из этой двери. Так и есть! Как только Карлайл вышел из комнаты, человек проскользнул сюда, схватил чертеж и скрылся.

— Скверная история,— сказал сэр Джордж. Обернувшись к лорду Мэйфилду, он добавил: — Послушайте, Чарлз, все это чертовски неприятно. Что же нам делать?

3

— Ну хотя бы попробуйте, Чарлз.

Прошел час. Двое друзей сидели в кабинете лорда Мэйфилда, и сэр Джордж усиленно уговаривал собеседника принять его предложение.

Лорд Мэйфилд вначале упирался, но постепенно начал сдаваться

— Не будьте так дьявольски упрямы, Чарлз,— говорил сэр Джордж.

— Ну зачем нам впутывать в эту историю какого-то жалкого иностранца, о котором мы ничего не знаем?

— Но я как раз знаю о нем очень много. Это не человек, а просто чудо.

— Хм!

— Не упрямьтесь, Чарлз. Все-таки какой-то шанс! Для нас сейчас главное — поменьше шума. Если эта история просочится...

— Вы хотите сказать, когда она просочится...

— Необязательно. Этот человек — Эркюль Пуаро...

— Явится сюда и достанет нам чертеж, как фокусник кролика из шапки, да?

— Он докопается до истины. А нам нужна истина. Послушайте, Чарлз, я беру всю ответственность на себя.

Лорд Мэйфилд наконец согласился.

— Ну ладно, поступайте как знаете, но я не представляю, что этот тип может сделать.

Сэр Джордж протянул руку к телефону.

— Я позвоню ему. Прямо сейчас.

— Он спит.

— Встанет. Тысяча чертей, Чарлз! Вы же не можете позволить этой женщине одержать верх!

— Вы имеете в виду миссис Вандерлин?

— Конечно. Ведь вы не сомневаетесь, что это дело ее рук?

— Нет. Она побила меня моим же оружием, да еще отплатила с лихвой. Мне неприятно это признавать, Джордж, но эта женщина оказалась умнее нас. Прискорбно, но факт. У нас нет никаких улик против нее, а между тем мы оба знаем, что это она все подстроила.

— Женщины — дьяволы в юбке,— сказал Каррингтон убежденно.

— И никаких нитей, черт возьми! Она, наверное, подговорила горничную поднять крик, а человек, который подстерегал снаружи, был ее сообщником. Но вся беда в том, что мы этого не можем доказать.

— Быть может, это удастся Эркюлю Пуаро.

Лорд Мэйфилд рассмеялся

— Ей-богу, Джордж, никогда не думал, что вы, истый англичанин, будете уповать на какого-то французика, пусть и самого умного.

— Он даже не француз, а бельгиец,— сказал сэр Джордж смущенно.

— Ну ладно, зовите вашего бельгийца. Пусть поломает голову. Бьюсь об заклад, что он сможет сделать не больше нашего.

Сэр Джордж снял телефонную трубку.

4

Помаргивая, Эркюль Пуаро переводил взгляд с одного собеседника на другого и деликатно сдерживал зевоту.

Была половина третьего ночи. Его разбудили и привезли в огромном «роллс-ройсе». Два друга только что закончили свой рассказ.

— Таковы факты, господин Пуаро,— сказал лорд Мэйфилд.

Он откинулся в кресле и не спеша вставил монокль. Сквозь него на Пуаро внимательно смотрел бледно-голубой глаз. Взгляд был не только проницательным, но явно скептическим. Пуаро посмотрел на сэра Джорджа Каррингтона.

Этот джентльмен подался вперед с выражением почти детской веры на лице.

Пуаро медленно проговорил:

— Я имею факты, да. Горничная кричит, секретарь выходит из комнаты, неизвестный, ждавший этого момента, входит, чертеж лежит на письменном столе, он хватает и уходит. Эти факты — они очень удобны.

Что-то в том, как он произнес последнюю фразу, видимо, привлекло внимание лорда Мэйфилда. Он выпрямился, сбросил монокль. Казалось, он насторожился.

— Что вы хотите сказать, господин Пуаро?

— Я сказал, лорд Мэйфилд, что факты очень удобны — для вора. Между прочим, вы уверены, что видели мужчину?

Лорд Мэйфилд покачал головой.

— Этого я не могу сказать. Это была просто тень. Я даже усомнился, что видел кого-то.

Пуаро перевел взгляд на маршала авиации.

— А вы, сэр Джордж? Могли бы вы сказать, кто это был — мужчина или женщина?

— Я лично никого не видел.

Пуаро задумчиво кивнул. Затем неожиданно вскочил на ноги и подошел к письменному столу.

— Могу вас заверить, что чертежа там нет,— сказал лорд Мэйфилд.— Мы все втроем перебрали эти бумаги чуть ли не десять раз.

— Все втроем? Вы имеете в виду, что ваш секретарь тоже?

— Да.

Пуаро внезапно повернулся

— Скажите мне, лорд Мэйфилд, какой документ лежал сверху, когда вы подошли к письменному столу?

Мэйфилд наморщил лоб, силясь припомнить.

— Погодите-ка... да, проект меморандума относительно некоторых вопросов нашей противовоздушной обороны.

Пуаро ловко извлек один документ и протянул его.

— Этот, лорд Мэйфилд?

Лорд Мэйфилд взял его в руки и посмотрел.

— Да, этот.

Пуаро показал бумагу Каррингтону.

— Вы заметили этот документ на письменном столе?

Сэр Джордж взял его и, держа в вытянутой руке, посмотрел, потом все же надел пенсне.

— Да, правильно. Я тоже просматривал документы вместе с Карлайлом и Мэйфилдом. Этот лежал сверху.

Пуаро кивнул и положил документ обратно на стол. Мэйфилд смотрел на него слегка озадаченно.

— Если есть еще какие-нибудь вопросы...— начал он.

— Ну, конечно, есть вопрос. Карлайл. Карлайл — вот вопрос!

Лорд Мэйфилд покраснел.

— Карлайл, господин Пуаро, вне подозрений. Он был моим личным секретарем в течение девяти лет. Он имеет доступ ко всем моим бумагам, и, должен заметить, мог без труда снять копии с чертежей и спецификаций так, что никто бы этого не знал.

— Это веский довод,— сказал Пуаро.— Если бы виновным был он, у него не было бы надобности инсценировать неуклюжую кражу.

— Во всяком случае,— сказал лорд Мэйфилд,— я уверен в Карлайле. Я ручаюсь за него.

— Карлайл,— сказал Каррингтон сердито,— честный малый.

Пуаро развел руками.

— А эта миссис Вандерлин — она бесчестная?

— Вот именно бесчестная,— сказал сэр Джордж.

Лорд Мэйфилд заговорил более спокойным тоном:

— Я полагаю, господин Пуаро, не может быть никакого сомнения в... м-м... деятельности миссис Вандерлин. Министерство иностранных дел может предоставить вам более точные сведения на этот счет.

— А горничная, по-вашему, заодно с хозяйкой?

— Вне всякого сомнения,— сказал сэр Джордж.

— Мне кажется, есть основания для такого предположения,— сказал лорд Мэйфилд более осторожно.

Наступила пауза. Пуаро вздохнул и рассеянно переставил несколько предметов на столе. Затем сказал:

— Насколько я понимаю, эта бумага означала деньги? То есть украденная бумага безусловно стоила бы большой суммы.

— Да, если бы чертеж передали тем, кто в нем заинтересованы.

— Кому именно?

Сэр Джордж назвал две европейских страны.

Пуаро кивнул.

— Это обстоятельство, вероятно, известно каждому?

— Миссис Вандерлин это прекрасно известно.

— Я спросил: каждому?

— Думаю, что да.

— Любой мало-мальски сообразительный человек понял бы, что чертеж стоит денег?

— Да, но, господин Пуаро...— У лорда Мэйфилда был довольно смущенный вид.

Пуаро поднял руку.

— Я исследую, как говорится, все пути.

Внезапно он снова встал, быстро вышел на террасу и, посветив себе карманным фонариком, осмотрел траву возле террасы.

Двое друзей наблюдали за ним.

Он вернулся, сел и спросил:

— Скажите мне, лорд Мэйфилд, этот злоумышленник, этот невидимка, притаившийся во тьме,— вы не преследовали его?

Лорд Мэйфилд пожал плечами.

— В конце сада он мог выбраться на шоссе, если там его ждал автомобиль, он скоро был бы вне пределов досягаемости...

— Но ведь есть полиция...

Сэр Джордж прервал его:

— Вы забываете, господин Пуаро. Мы не можем рисковать гласностью. Если бы стало известно, что чертеж похищен, это имело бы весьма неприятные последствия для партии

— Ах да,— сказал Пуаро.— Нельзя забывать la politique (политику.— *Р.*). Надо соблюдать величайшую осторожность. Поэтому вы послали за мной. Да, пожалуй, так проще.

— Вы надеетесь на успех, господин Пуаро? — В голосе лорда Мэйфилда звучало недоверие.

Маленький человечек пожал плечами.

— Почему бы нет? Надо только рассуждать... размышлять!

Он сделал паузу, потом сказал:

— Я хотел бы теперь побеседовать с мистером Карлайлом.

— Пожалуйста.— Лорд Мэйфилд встал.— Я просил его подождать. Он должен быть поблизости.

Он вышел из комнаты.

Пуаро взглянул на сэра Джорджа

— Так как же с этим человеком на террасе?

— Мой дорогой Пуаро, не спрашивайте меня! Я его не видел, и я не могу его описать.

Пуаро подался вперед.

— Это вы уже говорили. Но в действительности дело обстоит немножко иначе, не правда ли?

— Что вы хотите сказать?— спросил сэр Джордж.

— Как бы лучше выразиться? Ваше неверие, оно более глубокое.

Сэр Джордж хотел было возразить, но промолчал.

— Ну конечно же,— сказал Пуаро ободряющим тоном.— Скажите мне. Вы оба находитесь в конце террасы. Лорд Мэйфилд видит, как тень метнулась из двери и исчезла в саду. Почему вы не видите этой тени?

Каррингтон пристально посмотрел на него

— Вы попали в точку, господин Пуаро. Меня это все время беспокоит. Видите ли, я мог бы присягнуть, что никто не выходил из этой двери. Я подумал, что Мэйфилду это почудилось — качающаяся ветка... Что-нибудь в этом роде. Но потом, когда мы пришли сюда и обнаружили, что произошла кража, я подумал, что, наверное, Мэйфилд был прав, а я ошибался. И все же...

Пуаро улыбнулся.

— И все же в глубине души вы верите вашим собственным глазам?

— Вы правы.

Пуаро снова улыбнулся.

— Какой вы разумный человек.

Сэр Джордж спросил неожиданно:

— На траве не было никаких следов?

Пуаро покачал головой.

— В том-то и дело. Лорд Мэйфилд... ему кажется, что он видит тень. Потом обнаруживается кража, и он уже уверен — совершенно уверен! Но это не так. Я не придаю слишком большого значения следам и другим подобным вещам, но, насколько этому можно верить, мы располагаем таким негативным доказательством. На траве никаких следов нет. Вечером шел сильный дождь. Если бы человек спрыгнул с террасы на траву, его следы были бы видны.

Сэр Джордж сказал, глядя на Пуаро с крайним удивлением:

— Но тогда... значит...

— Это приводит нас снова в дом. К людям, которые находятся в доме.

Он замолчал, так как дверь открылась и вошли лорд Мэйфилд с Карлайлом.

Продолжение следует

Перевела с английского
Н. ЛОСЕВА

Калифорния

Говорят, Калифорния — это молодежный рай, и именно для этого рая была создана поп-музыка. В поп-песнях Калифорния — сказочная страна безоблачного счастья, где вам всегда двадцать пять, не больше, где школьные занятия под запретом и где кока-кола брызжет из фонтанов на улицах.

Когда подростки, живущие в скучных многоквартирных домах серых городов, смотрят в окно на непрекращающийся дождь, они думают: так не должно быть, наверное, где-нибудь есть место, где лучше. Калифорния и есть «то место, где лучше». Там неизвестна скука. Там только солнце, солнце, солнце. И серфинг.

Подобно этим незатейливым грезам о земле обетованной, калифорнийская поп-музыка проста и лучезарна. Она чем-то напоминает комиксы, на которых ярко и общедоступно изображено всегда одно и то же. В данном случае — море, солнце и песок.

Калифорнийскому року не суждено было вырасти из одежд «школы», однако у него была своя специфика, замешенная на романтической мечтательности и, так сказать, местном патриотизме: все те же вздохи о все тех же несравненных калифорнийских достопримечательностях — солнце, океанских просторах и песчаных пляжах — с обязательным использованием словечек из местного жаргона. Успех калифорнийского рока и соответственно рынок его сбыта достигли общенационального масштаба. Калифорнийцы раскупали записи «своих лучезарных ребят» из чувства патриотизма, остальная страна — из желания отвлечься от реальной жизни в царстве грез.

В музыкальном отношении калифорнийский рок ничем не отличался от «школы» — тот же бас внизу, фальцет вверху. Однако надо отдать должное мастерству, с каким все это подавалось: применялись довольно сложные аранжировки, неожиданные переплетения голосов. Более того, почти все исполнители брали верные ноты. Это была легкая, гибкая и быстрая музыка. Очень привлекательная. Осо-

---

Продолжение. Начало см в № 4, 6 и 8 за 1985 год

Рис. С. ТЮНИНА

РОК КАК ЕСТЬ

Ник КОН,
английский журналист

(Очерки очевидца истории поп-музыки)

бенно в исполнении «Бич бойз» — «Ребят с пляжа» — трех братьев Брайана, Дэнниса и Чарлза Вильсонов, их двоюродного брата Майка Лава, и постороннего в этой семейной компании Дэвида Маркса, который пел фальцетом. Все они жили в Готорне и... увлекались серфингом.

В 1962 году Вильсоны оформились в группу (их отец был профессиональным сочинителем песен, поэтому приход его детей в поп-музыку можно считать закономерным), и Брайан, как самый умный, стал писать песни. А писал он, ясное дело, про серфинг. Так калифорнийская поп-музыка впервые обрела свое лицо. Вильсон сочинял одну песню за другой с такими названиями, как «Благородный серфинг», «Серфинг-экспедиция», «Одинокое море». Это были веселые пустячки.

Брайан Вильсон оказался инициативным малым, хорошо чувствующим коъюнктуру. Когда та или иная мода изживала себя, «Бич бойз» разрабатывали что-нибудь новенькое. Успех вскружил Брайану голову — ведь его команда стала самой знаменитой американской поп-группой! Он начал смотреть на себя как на человека, причастного к миру высокого искусства, даже не подозревая, какая опасность скрыта в подобной претензии.

Как и все талантливые, умные авторы, работавшие на поп-музыку, а Брайан, несомненно, принадлежал к их числу, он попал в совершенно ложное положение. Творческий человек хочет расти, хочет прогрессировать, это понятно. Однако если основной аудитории, для которой он работает, которая потребляет его творчество, нет дела ни до какого прогресса, если ей хочется привычного, а не экспериментов, то возникает критическая ситуация. Рок всегда был музыкой подростков. Те, кому за двадцать, могут интересоваться им, могут щеголять своей осведомленностью, но в принципе они не главные потребители. Они покупают мало. Образуется тупик: талантливому автору не позволяют идти вперед, стоять на месте он не хочет, а идти назад не может. Он стиснут со всех сторон. Будь он роботом, все было бы намного проще.

Но если это так, то возникает вопрос: может ли вообще поп-музыка идти вперед? Может ли она быть «взрослой» и вместе с тем хорошо продаваться? Может ли она быть понятной для подростков и в то же время не стоять на месте? Вероятно, это самая серьезная проблема, стоящая перед поп-музыкой, и я не уверен, можно ли ее решить.

Брайана Вильсона нельзя назвать неудачником. Он продолжает писать хиты, а «Бич бойз» не перестают выступать и зарабатывать состояние. Однако дело не в этом: у Брайана настоящий талант, но талант этот не используется должным образом. Отчасти в этом виноват он сам, отчасти — поп, отчасти — никто. Ясно одно — его талант растрачивается впустую.

Калифорнийская поп-музыка развивалась в основном в Лос-Анджелесе и в Голливуде (Сан-Франциско в ту пору все еще считал ее вульгарной), здесь же возникла совершенно новая порода менеджеров, артистов, продюсеров и толкачей. Они отличались особой пронырливостью, и они завладели Калифорнией. Все до единого «крутые парни», наглые деляги, они богатели не по дням, а по часам. Но эти несимпатичные люди понимали рок, делали ходовые пластинки.

Большую часть жизни они проводили, состязаясь друг с другом в «шике» и набирая очки в какой-то несуразной, но отчаянной борьбе за имидж. Важно было все: как ты сидишь, как двигаешься и как разговариваешь, какой у кого телевизор в автомобиле — цветной или черно-белый и прочая чепуха. Полей битвы за имидж не счесть, и битва идет смертельная. Кто хоть раз теряет контроль над ситуацией, тот неминуемо погибает в глазах знатоков.

Чтобы блюсти имидж, нужно, чтобы вас всегда окружали подходящие люди, помощники и телохранители, подобно тому как драгоценный камень должен быть в подходящей оправе. Вам должны зажигать сигарету, ради вас кому-то должны дать по физиономии. Вы же сами не должны ничего делать, ваше дело сидеть очень спокойно — так, чтобы спокойствие прямо сочилось из вас. В этом весь «шик». Он породил на Западном побережье самых низких, самых подлых прихлебателей, каких только знал мир. Это было самое настоящее дно. В Голливуде так было всегда. И тысячи неудачников, которые раньше подвизались в кино, теперь пришли в поп-музыку: посредники и коммерческие агенты, все в париках и полосатых воротничках. Рекламные агенты, толкачи и просто «люди». «Роллинг стоунз» отлично поняли это: «Я сижу и думаю о том, какой я умный, ловкий,— я, заместитель помощника коммерческого агента с Западного побережья»,— пелось в одной из их песен...

Соул

В своем простейшем виде соул возник из смешения элементов преобладавшего в негритянской музыке последние тридцать лет ритм-энд-блюза и госпела — ритуальных песнопений.

Для негритянского населения больших городов музыка была в тридцатые-сороковые годы, пожалуй, единственной отдушиной мрачного существования, средством забыться, отвлечься от невзгод беспросветной повседневности. Жители негритянских гетто искали утешения в возможно-

сти развлечься субботним вечерком под музыку «своих» исполнителей, а те, зная настроения слушателей, старались приободрить их и уж, во всяком случае, не напоминать о том, что происходит за стенами танцевального зала. Словом, музыка звучала здесь веселая, задорная, не имеющая ничего общего с архаичным госпелом, который, кстати, ассоциировался тогда в сознании негритянской молодежи с временами рабства.

Пятидесятые годы знаменуют психологический перелом в отношении негритянского населения к своему прошлому, чему способствовал подъем борьбы американских негров за свои права. Черные американцы перестали стыдиться прошлого и больше не стремились поскорее о нем забыть. Напротив, в прошлом черпались силы для организованного сопротивления, и госпелы стали рассматриваться как полноправная составная негритянской культуры. Тогда-то негритянская поп-музыка стала прививать ритм-энд-блюзу интонации госпела. Ни бит, ни сюжеты не изменились, но музыка стала более страстной, более неистовой. Это и был соул.

Сам термин «соул» («душа») пришел из джаза. Потом кто-то употребил это слово для характеристики новых интонаций ритм-энд-блюза, привнесенных госпелом, оно показалось как нельзя более удачным и прижилось. Соул скопировал все приемы и весь жаргон джаза. Впрочем, довольно часто граница между джазом и соулом была зыбкой: разве Рэй Чарлз не играл джаз? Вернее всего будет сказать, что он играл иногда джаз, иногда соул, а чаще всего то и другое вместе. Различия не имели большого значения.

За прошедшие годы соул — как джазовый, так и поп-соул — подвергался непрерывной стилизации, становился все более формальным. Поп-группы, играющие в стиле соул, стали увлекаться шаблонами типа стандартных перекличек с публикой: «Все чувствуют себя хорошо?» — «Да!» — «Пусть все скажут «да».— «Да!» — «Нет, пусть все скажут «да» громче».— «Да!»

Это было бы еще ничего, если бы не фальшь и наигранность, проникшие в манеру исполнения соул. И в этом повинны соул-фирмы, которые сделали нехитрое открытие: раз у белых ребят больше лишних денег, чем у их черных сверстников, и именно белые подростки представляют очень важный рынок сбыта, то нужно полностью изображать негров такими, какими их хотят видеть белые. Отсюда все эти нелепые ужимки, подмигивания, глупые улыбки и прочие самоуничижительные приемчики.

Между тем соул дал подлинных титанов, одним из которых был Рэй Чарлз. Благодаря ему соул стал известен во всем мире. Рэй Чарлз родился в штате Джорджия в 1932 году. На шестом году жизни он ослеп, к пятнадцати — осиротел. У него была во всех отношениях нелегкая жизнь, и он долго не мог пробиться. Наконец, когда ему было уже за двадцать, он продал себя одному местному менеджеру, стремясь обеспечить себе карьеру «надежной посредственности».

Но около 1953 года произошло неожиданное. Рэй Чарлз взялся за госпел — чистейший, самый настоящий госпел. Он сколотил большой оркестр из музыкантов, которые играли блюз, нанял виртуозного тенор-саксофониста Ньюмена по прозвищу Фэтхед (Олух), добавил женскую вокальную группу, назвав ее «Рэйлетс», и украсил все это своим голосом. Голос этот был густой, сырой, хриплый, немузыкальный и неотразимо великолепный.

Рэй Чарлз имел фантастический успех, сначала среди негритянской публики, потом и среди белых. К 1960 году он завоевал всемирную известность. Вспомним: то был мертвый сезон, когда рок находился в глубоком кризисе. И когда появилась запись Чарлза «Что мне сказать?», она произвела ошеломляющий эффект. Это была запись сильная своей неистовостью, богатством чувств, подлинностью, не просто какой-нибудь там «разовый хит», а некий объединяющий лозунг, первая ступенька лестницы, по которой поп-музыка снова начала взбираться вверх.

Рэй Чарлз был настоящим музыкантом, виртуозным пианистом и неплохим альт-саксофонистом, что в поп-музыке было диковинкой. Рекламные агенты поспешили окрестить его гением, и на этот раз они не были не правы.

Это была магнетическая личность. Он выходил на сцену, ощупывая темноту вокруг себя, и вы не могли уже оторвать от него взгляда. Вы смотрели на него как завороженные. А он ничего такого особенного не делал — выходил, садился и начинал играть. Он гипнотизировал.

А голос! Когда он «парил», вы цепенели, вас охватывал самый настоящий озноб. Этот голос причинял страдания, выворачивал наизнанку.

Все это было слишком хорошо, чтобы продолжаться долго: Рэй Чарлз подписал контракт с коммерческим гигантом «Эй-би-си-Парамаунт» и быстро разбазарил свое природное дарование на засахаренные поделки. В 1962 году он сделал себе настоящее харакири, записав слезливую балладу в стиле кантри-энд-вестерн «Не могу перестать любить тебя». Как и следовало ожидать, баллада стала хитом, за которым последовала целая серия песен в таком же духе. Это была продукция долгосрочной коммерческой политики, но она постепенно отдалила от него его блюзовую аудиторию, и он остался без своих прежних поклонников.

Дальше — больше. Следующим шагом был, ясное дело, кинематограф. Чарлз снялся в душещипательном фильме, где выставил себя карикатурой на горемычного страдальца, этакого симпатягу-ниггера.

В истории поп-музыки Чарлз запомнится как черный Элвис Пресли, как символ большой жизненной силы, которая была задушена механикой шоу-бизнеса. Пусть это звучит слишком мелодраматично, но это так [1].

Практически «неограниченные запасы» певцов позволяли фирмам грамзаписи гнуть жесткую линию. И действительно, это, пожалуй, самые безжалостные из всех корпораций шоу-бизнеса. Принимая артиста, они обязуются пустить его в «дело», добыть ему хит, но при условии, что все прибыли, все гонорары достанутся им. Артист не получит ни гроша, но он станет известным и сможет делать деньги на «живых шоу». Если он не согласен на эти условия, пусть проваливает, у фирмы навалом других соискателей.

Конечно, бывает и так, что артист соглашается на все условия, делает хиты, укрепляет свое положение, а потом становится строптивым. Компании не любят этого. Они убирают таких артистов с дороги. В лучшем случае они делают все, чтобы их карьера остановилась на месте. Но если артист в здравом уме, он не будет артачиться. Это считается разумным: компания дает тебе шанс. Взамен

---

[1] *И все же в восьмидесятые годы Рэй Чарлз пережил как бы второе рождение, вернувшись к истокам своего творчества, к подлинной музыке. Это тот редкий случай, когда предсказание автора не сбылось.— Прим. ред.*

она требует только покорности. Что поделаешь — унизительно, но таков шоу-бизнес.

Не менее значительное место в соуле принадлежит Арете Фрэнклин. Из всей массы талантливых артистов, упоминаемых в этой книге, она единственная, кем я могу восторгаться без всяких оговорок. Она великолепна. Это, безусловно, лучший голос в истории поп-музыки.

Ее можно поставить в один ряд и с великими негритянскими певицами Ма Рейни, Бесси Смит, Махелией Джексон — крупными женщинами, с сильными голосами. Они не отвлекались на всякие пустяки, а просто выходили на сцену и начинали петь. Мощные глотки, от которых сотрясались стекла и которым не нужны никакие микрофоны. Простые белые платья и широченные плечи. В их облике не было ничего девического, но это были отличные женщины.

История Ареты вполне заурядна. Сначала она пела чистые госпелы, потом перешла на светский репертуар. Песни низкого качества, третьесортные продюсеры, никакого прогресса. Нет, она не голодала: пела в ночных клубах, пользовалась успехом, но не таким, какого заслуживала.

В 1967 году ее пригласила специализирующаяся на соуле фирма «Атлантик». И с той поры она быстро пошла в гору — почти каждая запись становилась хитом. Ее новый продюсер выкинул все лишнее, всю суету и напыщенность, он позволил ее голосу свободно парить. И голос этот был таким властным, неистовым и бездонным, что казался невероятным.

Арета поет непринужденно, с размашистой фразировкой, с убийственным остервенением. Посредственные песни кажутся в ее исполнении лучше, чем они есть на самом деле. Там, где другие, чтобы накалить атмосферу, ударяются в истерику, она спокойно стоит, даже почти не двигается и уверенно разворачивает всю песню от первого до последнего куплета. От монументального царственного спокойствия в начале до финального апокалипсического взрыва, где Арета — вопящая, грохочущая и рычащая, словно какая-то поразительная и неостановимая сила. Кажется, что голос Ареты пробивается сквозь кирпичные стены, как сквозь пух, она разрушает небоскребы, топчет ногами город. Но, закончив свой номер, она только слегка улыбается. В отличие от многих поп-«звезд», в отношении Ареты совершенно неважно, какова она в будничной жизни. Она — музыка и только. Она талант, существующий как чудо, которому не перестаешь поражаться.

Наконец, в этой главе я должен что-нибудь сказать и о Би-Би Кинге, который не имеет никакого отношения к соулу и вообще к поп-музыке, но который является одним из гигантов последнего двадцатилетия. Говоря просто — он сам Блюз.

Несмотря на свое южное происхождение, Би-Би Кинг играет северный городской блюз, суровый и откровенный. Его сопровождают орган, труба и тенор-саксофон, сам он немного играет, немного поет. У него резкий голос, а гитара одновременно грубая и нежная.

Песни Би-Би Кинга полны юмора и лукавого бахвальства. Его музыка — это в основном простой 12-тактовый блюз, но это тяжелый блюз. Вы узнаете этот блюз сразу, потому что уже выучили его наизусть, однако Би-Би Кинг умеет сыграть так, что вещь, которую вы слышали сто раз, звучит по-новому и захватывает все ваше внимание.

Помимо многочисленных черных блюз-гитаристов, он оказал сильное влияние на многих молодых белых исполнителей. Для них Би-Би Кинг — последний герой старой романтической традиции. Их отношение к нему — нечто большее, чем почитание: это благоговение. Но его самого все это не интересует — у него своя, черная публика, преданная ему вот уже двадцать лет.

Эта глава вышла весьма нестройной — я должен был охватить довольно большой период времени, рассказать о разнообразных стилях и в то же время представить их как что-то однородное. В заключение скажу вот что: начав с возврата к «корням», с обращения к реальной действительности, взбудоражив вялую музыку ранних шестидесятых, соул выродился в нечто даже более фальшивое, чем то, что он заменил. Спору нет, соул — музыка волнующая. Но отражает ли он новую «черную гордость», так характерную для последних лет? Ничуть! Это коммерческая музыка. Стимулы, создавшие ее, давным-давно позабыты. Теперь это фабрика и ничего больше. Но что поделаешь, то же происходит с любой разновидностью поп-музыки.

Продолжение следует

Перевел с английского
А. СОКОЛОВ

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. А. АКСЕНОВ, В. Л. АРТЕМОВ, Я. Л. БОРОВОЙ, С. М. ГОЛЯКОВ, А. С. ГРАЧЕВ, С. А. КАВТАРАДЗЕ, В. Б. МИЛЮТЕНКО, В. П. МОШНЯГА, Д. М. ПРОШУНИНА (зам. главного редактора), Н. Н. РУДНИЦКАЯ, Э. М. САГАЛАЕВ, В. Г. СИМОНОВ

Художественный редактор В. В. Рыжов
Оформление И. М. Неждановой
Технический редактор Н. А. Строева

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а. Телефон 285-89-20. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на ежемесячник.

Сдано в набор 12.07.85. Подп. к печ. 09.08.85. А00857. Формат 84×108 1/16. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 13,4. Уч.-изд. л. 5,5. Тираж 1 250 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 1353.

Издательство и типография «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

Виктория Варгас — псевдоним молодой чилийской поэтессы, коммунистки и дочери коммунистов, которая вот уже более десяти лет живет в эмиграции. За эти годы ей только раз удалось ненадолго съездить домой. Стихи Виктории — о судьбах родины, о мимолетной встрече с близкими.

Виктория ВАРГАС

* * *

Ленинград,
твои фонари, устав освещать
узоры садовых оград,
памятники и мосты,
погасили мою печаль
и вновь разожгли мечты.

* * *

Из очей твоих, Ленинград,
переполненных добротой,
всем дарящих свой ясный взгляд,
пролилась живая вода
на мой увядающий сад,
который молил о дожде.

ДОМА

Из цикла «В память о мимолетной встрече»

Под сенью ресниц,
как в глубоких озерах,
покоятся лунные камни
в добрых глазах моей мамы,
в мудрых глазах отца.

Я, волнуясь, читаю
в их северном взгляде
все оттенки спокойной тревоги
и радостной грусти.
Они улыбаются щедро
сквозь слезы.

Осторожно,
ступень за ступенью
восхожу я к вершинам
их ясных душ.

«Входи, родная!
Здесь так давно тебя ждали.
Здесь все осталось, как прежде,
как до разлуки.
Все твои куклы,
рисунки и старые книги,
и даже мечты твои
с нами.

А на столе — ты видишь? —
как тогда, эмпанады [1].

Сядь, родная!
В тени наших ресниц,
у костра наших душ отдохни».

(Какие у них
прозрачно-усталые лица!)

. . . .

Музыка нежно струится,
касаясь виска.

А по небесному своду река
тихо несет облака,
мысли и мед.

Из влажных кустов сирени
шагнул знакомый, как дом,
родной, как родина,
великан.

Я сразу узнала народ мой
по жестким рабочим ладоням,
по глубоким морщинам,
по глазам, бездонным, как море.
Губы его — точно горы на горизонте,
шаг тяжел и отчетлив,
а руки и ноги
из прочной стали,
чтобы выиграть схватку,
а если его одолеют обманом,
выиграть снова.
И так до рождения в мире
вечного мира.

Мы обнялись,
и он улыбнулся,
точно расправил
тысячи красных знамен.

Нам четверым
было о чем говорить.
Казалось, нашей беседе
не будет конца.

Вечная музыка нежно струилась,
касаясь лица.

А по небесному своду река
тихо несла облака,
мысли и мед.

Перевела с испанского Е. ХОВАНОВИЧ

---

[1] *Эмпанады — национальное чилийское кушанье вроде чебуреков.— Прим. пер.*

Индекс 70781
Цена 35 коп.